ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ЛЮБИТЬ МОНСТРА

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА

МИККИ НОКС

РОБЕРТ РЕССЛЕР

Человек преступный. Классика
криминальной психологии

Микки Нокс

Любить монстра. Краткая история стокгольмского синдрома

«Алгоритм»
2018

УДК 159.9
ББК 88.5

Нокс М.

Любить монстра. Краткая история стокгольмского синдрома / М. Нокс — «Алгоритм», 2018 — (Человек преступный. Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-906995-53-7

Люди, ставшие жертвами ограбления банка, тратят все свои сбережения на адвокатов своих мучителей. Внучку американского миллиардера Патрисию Херст похищают с целью получения выкупа, но уже через несколько дней девушка сама врывается в банк и размахивает заряженным оружием. Чудом вырвавшаяся на свободу Наташа Кампуш плачет, когда узнает о смерти человека, отобравшего у нее 3096 дней жизни. Что такое стокгольмский синдром и на какие преступления может толкнуть человека любовь… к чудовищу? Ответ на этот вопрос вы найдете в книге легендарного американского профайлера Роберта Ресслера и криминального психолога Микки Нокса.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-906995-53-7

© Нокс М., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

Жизнь с чудовищами 6
Краткая история стокгольмского синдрома 9
Случай в Стокгольме 13
Отчаянная Патти Херст 23
Заключение Тимоти Лири 35
3096 дней плена, случай Наташи Кампуш 37
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Микки Нокс, Роберт Ресслер
Любить монстра: краткая история стокгольмского синдрома

© Р. Ресслер, М. Нокс, 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Жизнь с чудовищами

Я не знаю ни одного серийного убийцы, который был бы похож на Ганнибала Лектора. Во-первых, потому, что среди серийников не было психотерапевтов. Я знаю нескольких врачей, которые унесли ряд жизней, но точно не в извращенной манере. Я не знаю ни одного человека со столь высоким положением в обществе, который был бы каннибалом. Либо был интегрирован в высшие слои и был столь дьявольски безумным.

Чтобы определить преступника, составить его профайл, вы должны понять способ его мышления, поставить себя на его место, понять и в конечном счете опередить его. Работа профайлера заканчивается в сознании убийцы. Он видит тебя, а ты его. Быть с ним настоящее волшебство, у него есть ключ, или окно, через которое он наблюдает за тобой. Таким образом, он смотрит, наблюдает за тобой. Точно так же, как и ты за ним. Когда я рисую для него картину, он видит и понимает, куда я пойду, каким будет мой следующий шаг. Таким образом, серийный убийца завершает составление психологического портрета самого профайлера. В этом и состоит суть работы криминального психолога. Установить невидимую связь между собой и убийцей.

Как началась моя жизнь среди чудовищ? Это был 1946 год. Город был охвачен паникой: в Чикаго появился маньяк, убивающий молодых девушек. Отец работал в Chicago Tribune, и у нас дома всегда было много номеров этой газеты. Меня поразила тогда одна деталь: убийца написал помадой своей жертвы следующую фразу: «Ради бога поймай меня быстрее, чем я снова убью. Я больше не могу себя контролировать». Очень скоро было совершено новое преступление. Преступник убил и расчленил тело женщины. Части ее тела были найдены в разных частях города. Что за человек способен на такое? Человек ли это вообще? Как ребенок я не мог представить себя на месте убийцы, но мог представлять себе то, как я расследую это дело.

Весь город был охвачен паникой. Многие родители стали забирать своих юных дочерей из школы, опасаясь маньяка. Tribune тогда оказалась в самом центре расследования. В каждом выпуске содержались новые подробности расследования «убийцы с помадой». Конечно, я был немного напуган, но в большей степени очарован. Я все чаще и чаще пытался себя поставить на место убийцы и именно тогда впервые задумался о том, что это могло бы помочь следствию. Чем больше мы понимаем преступника, тем легче предугадать его следующий шаг, легче его поймать. Так зародилась идея создания метода профилирования преступника.

Летом 1946 года мы играли исключительно в детективов. Мы представляли, как выслеживаем убийцу, арестовываем и допрашиваем преступников. Когда Уильям Хайренс, тот самый «убийца с помадой» был пойман, мои ровесники охладели к этим играм, но не я. В некотором смысле я играю в нее до сих пор. Помню, меня поразило то, что такой молодой Хайренс оказался способным на такую жестокость и хладнокровие. Тот факт, что он весьма трезво оценивал свои возможности и тщательно скрывал следы преступления, говорил о том, что он контролировал свои действия, но так ли это было на самом деле? Осознанный ли это выбор убийцы или какая-то непостижимая, темная сила толкает преступника на совершение убийства?

Потом были долгие годы учебы и работы в ФБР. Уже в Квантико, когда я преподавал патопсихологию, мы довольно часто летали на международные пресс-конференции. Именно тогда, на одной из них я и использовал впервые термин «серийный убийца». Тогда преступления наподобие тех, что совершал «сын Сэма» Дэвид Берговиц, назывались «убийством незнакомцем», а такие преступники именовались «чужими убийцами». Мне этот термин не нравился, так как он был недостаточно точным. Довольно часто жертва знала своего убийцу.

На одной из конференций мы обсуждали серии убийств, краж, поджогов – преступлений с единым способом организации. Тогда-то я и применил этот термин, а затем стал часто употреблять его на лекциях со своими студентами. Серийные преступления случались все чаще, и начальство было обеспокоено тем, чтобы найти метод наиболее быстрого поиска таких преступников, поэтому этот термин и прижился.

Оглядываясь назад, я думаю, что в моем сознании сработала аналогия с приключенческими сериалами по субботам. Каждые выходные мы спешили в кино, чтобы увидеть следующую серию. Такой интерес объяснялся тем, что в конце каждой серии была так называемая «вешалка», «крючок», ход сценариста, с помощью которого накал конфликта в конце не понижается, а, наоборот, повышается на десяток-другой градусов, оставляя зрителя в закипающем состоянии. Из-за этого зритель оставался в подвешенном, неудовлетворенном расположении духа и готов был пойти на все, лишь бы узнать, что было дальше. Подобный механизм работал и с маньяками. Сам акт убийства оставлял преступника в подвешенном состоянии. Он не удовлетворен. Он мог сделать это лучше. «Ах, я сделал это слишком быстро или медленно, доставил слишком много страданий или наоборот».

Большинство людей думает, что такие преступники похожи на Джекила и Хайда. Вот он вежливый, воспитанный и рассудительный человек, а вот уже у него растут клыки и когти. Серийные убийцы не такие. Мир преступника переполнен и отравлен фантазиями, которые, с одной стороны, дают им импульс к жизни, а с другой – толкают на новые преступления.

Этапы профилирования

Стадия ассимиляции. На этом этапе изучается вся доступная информация о совершенном преступлении. Фотографии с места преступления, отчеты о проведенном вскрытии, полицейские отчеты и показания свидетелей, а также, что в особенности важно, профиль жертвы.

Этап «классификации» предполагает интеграцию полученной информации, которая позволяет классифицировать преступника, определить, какой перед нами тип преступной личности: организованный или дезорганизованный. Организованные убийцы социализированы в обществе, способны планировать свои действия, оставляют крайне мало улик и зацепок. Дезорганизованный тип личности действует под влиянием импульса и имеет весьма скромные навыки социализации. В случае с убийцами такие личности нередко хотят вступить в половую связь с жертвой. Дезорганизованный тип не планирует своих действиях и не способен к сокрытию улик.

После классификации наступает этап реконструкции, в рамках которого профайлеры изучают поведенческие особенности преступника, пытаются восстановить образ действия и способ мышления преступника в момент совершения деяния.

После этого профайлер обязан определить «модус операнди» преступника – его визитную карточку, то, что является главным для него в преступлении, что удовлетворяет его психологические потребности.

Сопоставляя способ совершения и «модус операнди», находя взаимосвязи и наличие промежуточных преступлений, профайлер может переходить к этапу создания профиля. В нем может и должна содержаться максимально подробная информация относительно правонарушителя, демографические характеристики, характеристика семьи, военный статус, образование, личностные характеристики, а также профиль может содержать рекомендации следователю о методе проведения допроса или интервью.

Профиль преступника является одним из инструментов в арсенале следователя. Именно эта методика помогает нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что толкает человека к краю пропасти, что служит отправной точкой в становлении его личности. Как

человек превращается в монстра? Наша задача – попытаться на время стать монстром и суметь вовремя отвернуться от бездны, которая вечно смотрит на тебя.

Роберт Кеннет Ресслер

Краткая история стокгольмского синдрома

Вам нравится сказка о Красавице и чудовище? Никогда не хотелось встретить человека, который для всех был бы монстром, но лишь для вас прекрасным принцем? Может быть, тогда вам по душе сказка о Дюймовочке или Мальчике-с-пальчике? Неужели никогда не хотелось иметь друга или любимую, которая помещается в карман и целиком и полностью зависит от вас, потому как вы единственный человек, способный ее защитить? Быть может, вам хотелось, чтобы вас кто-то пришел и спас? Кардинально изменил вашу жизнь? Или же заставить кого-то полюбить себя? Неужели, нет? Серьезно? Никогда не хотелось стать главным и единственным человеком, стать целым миром для своей второй половины? Если хотя бы на один из этих вопросов вы ответили согласием, у вас есть все предпосылки для того, чтобы стать жертвой стокгольмского синдрома. Если на все вопросы ответ отрицательный, скорее всего, вы попросту врете.

Каждого человека можно поставить в положение жертвы, и у каждого можно выработать патологическую реакцию симпатии к своему мучителю. Вопрос лишь в том, как трансформируется эта симпатия с течением времени. Вот здесь все зависит от личности.

Стокгольмский синдром – ситуация, в которой жертва начинает испытывать симпатию к агрессору, влюбляется в собственного мучителя. Ни в одной классификации болезней вы не найдете диагноза «стокгольмский синдром». По одной простой причине – этот психологический феномен является нормальной реакцией человека, желающего выжить, это вовсе не патологический механизм защиты от стресса, как иногда пишут в различных статьях. Как и всегда, любая норма может перейти в патологию. Все зависит от интенсивности и длительности переживаний.

Впервые этот термин использовал известный психиатр Нильс Бейерт для описания психологического феномена, с которым ему пришлось столкнуться в 1973 году. К тому времени он уже был одним из самых известных и уважаемых психиатров не только в Швеции, но и во всем мире. В основном Нильс занимался проблемами борьбы с наркоманией, именно с этой темой были связаны все его научные статьи тех лет. Ученый с 1958 года сотрудничал с полицией Стокгольма, часто выступая в роли консультанта в особенно сложных случаях, а с 1965 года Бейерт стал работать терапевтом в тюрьме предварительного заключения Стокгольма. Эта работа, хоть и не самая денежная и престижная, могла обеспечить его достаточным материалом для исследования проблемы наркомании среди людей с антисоциальным поведением. Помимо прочего, эта должность укрепила связи Бейерта с полицией Стокгольма, и его все чаще стали приглашать в качестве консультанта.

В августе 1973 года все внимание Швеции сосредоточилось на одном из отделений «Кредитбанка» в самом центре Стокгольма. Двое преступников и четыре заложника. Невероятное для Швеции преступление, о котором будет подробно рассказано в следующей главе книги. Самым удивительным в этой истории было даже не то, что случилось во время шестидневной драмы, а то, что произошло после освобождения заложников. Никто из пострадавших не пожелал выступить с обвинением преступников, более того, заложники оплатили адвокатов для своих мучителей и впоследствии многие десятилетия поддерживали теплые, дружеские взаимоотношения.

Для описания феномена, примером которого стало это ограбление, Нильс Бейерт и использовал этот термин. В данном случае слово «синдром» обозначало лишь набор психологических симптомов, не более того. Однако в массовом сознании это слово ассоциируется с болезнью, поэтому и данный феномен стали считать болезнью, сходной, к примеру, с посттравматическим расстройством личности, что в корне неверно. Стокгольмский синдром предполагает лишь ситуацию возникновения симпатии жертвы к агрессору.

Четверо заложников Ян Олссона в течение шести дней были вынуждены находиться в маленькой комнате хранилища банка, а затем отказались от всех претензий к преступникам. Девятнадцатилетнюю дочь главы медиахолдинга похищают из дома, а затем два месяца держат в шкафу. За день до освобождения Патти Херст отказывается от свободы и сбегает с преступниками. В 1991 году одиннадцатилетнюю Джейси Ли Дугарл похищают на остановке школьного автобуса. Филипп Гарридо и его жена Ненси удерживали девочку на протяжении 18 лет. В четырнадцать Джейси родила от мучителя дочь, через три года – еще одну. Когда маньяка арестовали, Джейси Ли стремилась помешать аресту: скрывала свое настоящее имя, выдумывала легенды о происхождении дочерей. Филипп получил срок в 431[1] год, его жена – 36 лет за решеткой. Из дома, где она жила в плену, Дугард забрала к себе пять котов, двух собак, трех попугаев, голубя и мышь.

В 1996 году в столице Перу Лиме одетые официантами члены «Революционного движения имени Тупака Амару» (MRTA) захватили более 600 гостей посла Японии. В резиденции проходил прием в честь дня рождения императора. Через две недели 220 заложников вернулись домой. Всего за время осады переговорщикам удалось освободить 549 человек. «Лимским синдромом» с того времени называют ситуацию, когда захватчики идут на уступки из-за симпатии к жертвам. Освобожденные заложники отвечали взаимностью и публично поддерживали MRTA. Последние заложники оставались в плену четыре месяца. Власти Перу обвиняли в преступном бездействии, но в это время под резиденцию подводили туннель. Через него спецназ проник в помещение. Только 1 из 14 экстремистов погиб в перестрелке. Остальные сдались и были расстреляны на месте.

В 2002 году 14-летнюю Элизабет Смарт похитили из кровати. Через 9 месяцев девочку нашли в доме уличного проповедника Брайана Митчелла, который планировал сделать ее одной из семи своих жен. Митчелл надевал на Элизабет вуаль и гулял с ней по улицам. Она не делала попыток убежать, скрывала от посторонних лицо и настоящее имя.

В 2007 году Шону Хорнбеку было 11 лет, когда его похитил Майкл Девлин. Мальчика били, насиловали, заставляли сниматься в домашнем порно. Мучения продолжались четыре года, пока маньяк не выкрал еще одного ребенка. У этого преступления был свидетель, и в дом педофила нагрянула полиция. В ходе расследования выяснилось, что Шон имел относительную свободу и доступ к Интернету, но не делал попыток сбежать или сообщить о себе родным.

Во всех перечисленных случаях срабатывал один и тот же механизм психологической защиты.

Оказываясь в стрессовой ситуации, человек вынужден использовать те или иные защитные стратегии (копинги). Они могут быть конструктивными или деструктивными, направленными на решение проблемы или же на восстановление эмоционального равновесия и пр. Оказываясь в ситуации критического стресса, у большинства людей происходит регресс. Жертва будто бы возвращается в детство, в этот момент эмоциональное развитие человека вполне можно сравнить с эмоциональным интеллектом ребенка. Ведь к ребенку меньше требований, да и не отвечает он ни за что. Главное – слушаться старших. Оказавшись в таком беззащитном положении, человек предлагает агрессору роль мудрого отца. Он должен хвалить за правильное поведение и наказывать за неправильное. Таким образом, жертва объясняет и оправдывает положение агрессора, ну а человек в доминантном положении обязан не только наказывать, но и поощрять. Так начинают расти и развиваться челове-

[1] В США наказания суммируются, поэтому можно получить и сто лет тюрьмы, и несколько пожизненных. Если человек получил три срока, значит признан виновным в совершении трех преступлений. Если три пожизненных – значит все три преступления из разряда особо опасных. После смерти заключенного будетсчитаться, что он отбыл каждое из пожизненных заключений. – *Прим. ред.*

ческие взаимоотношения в той ситуации, в которой по всем законам логики их появиться не должно.

Затем постепенно человек начинает долгий путь возвращения к своему привычному эмоциональному состоянию. Желая объяснить поведение агрессора, жертва начинает ставить себя на его место, пытаться понять позицию агрессора и увидеть в нем не чудовище, но человека со своими достоинствами и недостатками. Этот процесс имеет вполне логичное объяснение, отразившееся в известной народной мудрости. Как вы относитесь к человеку, так и человек относится к вам. Если вы видите перед собой хищника, то и хищник в вас будет видеть жертву. Попробуйте наладить контакт с агрессором, без конца повторяя про себя, что он монстр. Вряд ли у вас получится выстроить подобие доверительных отношений. Итак, человек, желая выжить и сохранить свои представления о мире, в котором нет людей-чудовищ, пытается объяснить и оправдать поведение агрессора. Таким образом, в действие вступает механизм психологической защиты, который впервые описала Анна Фрейд в далеком 1936 году, задолго до первого описанного случая стокгольмского синдрома. Ссылаясь на работы своего отца, создателя психоанализа Зигмунда Фрейда, Анна описала защитный механизм идентификации с агрессором. Для иллюстрации этого феномена психолог приводила пример девочки, которая очень боялась темноты. По мнению ребенка, в темных комнатах жили призраки. Она всякий раз с ужасом воспринимала новость о том, что ей придется пройти по неосвещенному помещению. Однажды все изменилось. Девочка стала пробегать по комнате легко и быстро, правда, теперь она делала при этом странные пассы руками. Выяснилось все просто. Девочка поделилась своим секретом с братом: «Я теперь больше не боюсь привидений. Я знаю, как с ними бороться. Чтобы не бояться привидений, нужно стать самой привидением». Чтобы не страдать в положении жертвы, человек ставит себя на место агрессора и начинает исходить из логики другого человека. Что в этом плохого? Это же помогло девочке избавиться от собственных страхов, в конце концов. Как и всегда, этот механизм психологической защиты может, как помочь, так и навредить. Все бы ничего, до тех пор, пока жертва, следуя чужой логике, не начинает вредить себе.

Психоаналитик Вамик Волкан в 60-х годах XX столетия работал в США в Северной Каролине в госпитале Черри для душевнобольных. В то время это была сегрегационная лечебница, куда принимали только черных пациентов. Это было на бывшем рабовладельческом Юге за полвека до того, как Барак Абама стал первым чернокожим президентом США. Пациенты клиники были черными, а весь персонал – белыми. Волкан пишет: «Я заметил, что чернокожие пациенты госпиталя Черри пытались идентифицироваться со своими белыми угнетателями; бредовая вера чернокожего, что он “белый”, была явлением довольно распространённым. У двух пациентов была лейкодерма в виде пятен “белой” кожи; они имели полностью “кристаллизованный” бред о том, что они белые» (Volcan, 1966).

Польский психолог и психиатр Антон Кемпенский (1918–1972), бывший заключенный концентрационного лагеря Освенцим, описал типичные случаи, когда в лагерях назначались старшие по бараку из числа узников, и эти люди выказывали даже большую жестокость в отношении своих собратьев по несчастью, чем надсмотрщики из числа нацистов. Они идентифицировались с агрессором в этой экстремальной ситуации в бессознательной надежде, что если они – тоже агрессоры, то их минует участь всех остальных узников лагеря смерти.

Все это крайние проявления идентификации с агрессором – защитного механизма, лежащего в основе появления стокгольмского синдрома. Самое ужасное в этом процессе – тот факт, что, ставя себя на место агрессора, человек перестает быть собой. Зачем нужно видеть в агрессоре человека? По одной простой причине – только в этом случае агрессор сможет увидеть в жертве человека. Если агрессор видит перед собой не врага и не жертву, а точно такого же человека со своей историей, ему будет намного сложнее проявить к жертве жестокость. Жертва же видит то, что агрессор проявляет снисхождение: мог ударить, но не

ударил, мог убить, но не убил, кормит, заботится. Так жертва начинает испытывать благодарность к агрессору.

Кого больше всего боится агрессор? Действий властей в свой адрес. Этот же страх поселяется и в жертве. Человек видит своего мучителя, узнает его, понимает, видит в его действиях логику. Если в жестокости есть логика, ее можно избежать – нужно только правильно себя вести. А вот на что пойдут власти? Эта угроза непонятна и, следовательно, кажется более опасной. В тот момент, когда жертва начинает испытывать страх перед внешним врагом, наступает вторая фаза стокгольмского синдрома. Чем слабее связи жертвы с внешним миром, тем больше вероятность того, что она начнет симпатизировать агрессору. Третья стадия наступает не всегда – ответная реакция агрессора. Третья стадия предполагает наступление взаимной симпатии. Ничто так не сближает людей, как общий враг. Верно? Так и возникает этот вид травматической связи между жертвой и агрессором.

Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным со взятием в заложники, но впоследствии сфера применения данного термина расширилась. Тюрьмы, военные операции, некоторые национальные обряды (похищение невесты) и, наконец, авторитарные межличностные отношения. Случай Наташи Кампуш, описанный в книге, ярко иллюстрирует бытовой стокгольмский синдром, который встречается значительно чаще, чем можно себе представить.

Какой процент людей подвержен стокгольмскому синдрому? Ответить на этот вопрос практически невозможно. По статистике ФБР – 8 % заложников, по другим данным – до двадцати, ну а в отношении бытового синдрома эту цифру назвать невозможно. По понятным причинам женщины сильнее подвержены этому синдрому. Люди, воспитанные в авторитарной семье, склонные к самоуничижению, с низкой самооценкой, – все это факторы риска. Представьте себе, что агрессор проводит кастинг на роль жертвы. Преступник врывается в банк, и у него есть минута, чтобы выбрать одного единственного заложника из нескольких десятков людей. На осознанный выбор времени нет, и в игру вступает подсознание. Конечно, каждого человека можно заставить примерить на себя роль жертвы. И, тем не менее, подсознательно агрессор всегда выбирает того, кому больше подходит эта роль. Зажатые, забитые люди, которые ненавидят свою жизнь и страстно мечтают ее изменить, – лучше всего подходят на эту роль.

Намного интереснее то, что происходит дальше. Если бы не этот интерес, половина сценаристов Голливуда попросту лишилась бы работы. Интерес к феномену возникновения такого рода отношений появился намного раньше, чем сам термин.

А дальше отношения развиваются, как и любые другие. В этой книге рассмотрены наиболее яркие и хрестоматийные случаи возникновения стокгольмского синдрома. Случаи террористических захватов, военных операций, концентрационных лагерей по этическим соображениям мы решили оставить за пределами этой книги. Описывая случаи Яна Олссона, Патти Херст и Наташи Кампуш, мы точно так же, как и так называемые «жертвы стокгольмского синдрома», пытались понять мотивы агрессоров. В случаях террора понять этих людей и тем более описать их мотивы в книге слишком сложно, да и неэтично.

Случай в Стокгольме

23 августа 1973 года в 10 часов утра раздался выстрел, ознаменовавший начало драмы, продлившейся 131 час. Именно столько времени понадобилось Яну Олссону, чтобы навсегда перевернуть мир четырех людей. Когда все было позади, шведский криминалист Нильс Бейерт начал изучать подробности этой истории, он же и назвал феномен, свидетелями которому стал весь мир, стокгольмским синдромом. Всего через полгода, в феврале 1974 года, мир будет наблюдать в прямом эфире уже за другой драмой. Случай Патти Херст впоследствии назовут самым ярким и показательным случаем стокгольмского синдрома в истории.

В те жаркие августовские дни в Стокгольме город был погружен в летнюю полудрему. Дети пытались насладиться последними днями лета, домохозяйки были заняты обсуждением дневных телевизионных шоу, а служащие отсчитывали оставшиеся до конца рабочего дня минуты. Причем отсчет начинали ровно с восьми утра, именно в это время начинало свою работу большинство магазинов, банков и официальных учреждений города. Вот уже очень давно в одной из самых благополучных столиц Европы не происходило ничего, ни хорошего, ни плохого. Главными темами всех новостных выпусков были ухудшающееся состояние здоровья короля Густава Адольфа Шестого и предстоящие выборы премьер-министра.

Девяносталетний король Густав вот уже неделю как был при смерти. Воспаление легких дало осложнения, и доктора давали совсем не оптимистичные прогнозы. Желая быть первыми, кто расскажет о смерти короля, журналисты пяти различных телеканалов денно и нощно дежурили возле королевского дворца в центре Стокгольма.

Неприметное отделение «Sveriges Kreditbank» располагалось в самом сердце города, всего в паре кварталов от королевского дворца на площади Нормальмсторг. Бриджитт Ландблэд, Кристин Энмарк, Элизабет Олдгрен и Свен Сафстром с восьми часов утра маялись от скуки на работе. Был четверг, и все добропорядочные граждане в это время трудились в поте лица, в отделении банка сейчас не было ни одного клиента. Да и вообще за два прошедших с начала работы часа здесь побывала лишь пара человек. Девушки-операционистки тихо переговаривались между собой о том, как протекает беременность Элизабет Олдгрен, когда приедет машина с зарплатой для полиции и как поживает матушка их начальника Свена Сафстрома. Сам администратор Свен для порядка периодически хмуро поглядывал на них, но замечаний все же не делал. Тут дверь отделения тихонько скрипнула, и внутрь вошел грузного вида мужчина преклонного возраста. Девушки тут же притихли. Старик присел к одной из операционисток и стал рассказывать о своей проблеме. Его пространный рассказ прервал жалобный писк резко распахнутой двери. В проеме появился чернокожий мужчина, выглядевший, по меньшей мере, странно. Половину лица его скрывали солнцезащитные очки, а прическа в виде копны торчащих в разные стороны темных волос и вовсе вводила в ступор. Довершал образ плащ, в котором мужчине явно было жарковато. Приглядевшись, становилось понятно, что прическа – модный в те годы диско-парик.

Все в отделении банка притихли и стали с интересом наблюдать за странным посетителем. Мужчина встал в центре зала и вытащил руку из кармана. Девушки испуганно ахнули. В руках у мужчины был пистолет. Тот демонстративно снял оружие с предохранителя, направил его вверх и выстрелил.

– Вечеринка начинается! – закричал грабитель на хорошем английском.

Все участники событий буквально застыли в тех же самых позах, в каких они увидели пистолет в руках странного типа в парике. Кристин вцепилась пальцами в карандаш, который держала, Свен стоял, взявшись за ручку двери ведущего в хранилище банка… Бриджит

опомнилась первой. Молодая женщина нащупала под столом кнопку сигнализации и нажала ее. Через пять минут должна приехать полиция, осталось только потянуть время.

Грабитель посмотрел на Свена, все так же продолжавшего держаться за ручку двери, и приказал вести его в хранилище. Администратор не в состоянии был сейчас произнести хотя бы слово, язык буквально прилип к небу, а взгляд его продолжал буравить пистолет в руках преступника. Ян приказал женщинам лечь на пол и поднять руки за голову.

Полицейский патруль уже подъехал к зданию банка. Хранители порядка предполагали встретить в отделении простого хулигана или случайно забредшего пьяницу. Предположить, что кто-то решит ограбить банк в самом центре города, никто не мог. Увидев в стеклянных витринах мужчину в парике, они сразу поняли, что что-то не так. Двое полицейских отправились внутрь.

– Всем стоять, оружие на пол, – крикнул один из копов.

Ян Олссон среагировал моментально. Даже не расслышав просьбу полицейских, он развернулся и выстрелил. Инстинктивно. Пуля попала в руку одного из полицейских, Ингмара Варпфельдта. Мужчина тут же сполз на пол, скорчившись от боли.

– Оружие на пол и сядь в кресло! – приказал Ян Олссон.

Вид у него становился все более растерянным. Было заметно, что он не ожидал такого поворота событий. Полицейский подчинился приказу. Он осторожно начал опускать пистолет на пол, а затем все так же осторожно, глядя на пистолет грабителя, сел в кресло при входе в отделение банка. Оно предназначалось для охранника, который вот уже несколько дней как уволился.

В небольшой комнате банка воцарилась гнетущая, вязкая тишина.

– Что вы молчите?! – заорал Ян Олссон, которому невыносимо было больше терпеть это повиснувшее в воздухе напряжение. Казалось, еще секунду, и чьи-то нервы не выдержат. Каждое неосторожное движение могло сейчас стоить жизни. На полу один из полицейских корчился от боли. Эти хрипы были еще страшнее тишины.

– Ты, – Ян указал на сидящего в кресле полицейского, – спой что-нибудь, – приказал преступник.

Поначалу полицейский даже не понял, чего от него хотят. Попросту не расслышал. Тогда Ян Олссон повторил свой приказ и приставил к ноге несчастного дуло пистолета.

Сначала тихо, а затем все громче послышалась песня «Одинокий ковбой». Тот факт, что его приказы исполняют, придал Яну Олссону уверенности.

– Я не намерен смотреть на весь этот цирк. Ты видишь, что полицейский ранен? Ему нужна помощь врачей, поэтому ты сейчас нас отпустишь, – категорично сказал пожилой мужчина, все это время наблюдавший за происходящим из кресла посетителя.

Ян Олссон продолжал сжимать в руках оружие, но видно было, что с каждой секундой уверенность его тает на глазах.

– Ты слышал, что я сказал, сейчас ты нас отпустишь, – начинал сердиться мужчина, параллельно помогая встать раненому полицейскому. За окном уже начинали съезжаться полицейские машины. На шум выстрелов прибежали журналисты, дежурившие возле королевского дворца. В этот момент как раз снимали первый выпуск новостей.

Через минуту в дверях показалось трое мужчин: пожилой посетитель и двое полицейских. К ним тут же кинулись журналисты, врачи и полиция.

– Он просто идиот, – категорично заявил мужчина, не пожелав давать еще каких-то объяснений.

Как только полицейские скрылись за дверью отделения банка, темнокожий мужчина развернулся и закричал на оставшихся в зале людей. Бригитта и Кристин прятались под столами, в зоне для обслуживания клиентов, Свен распластался на полу, прижав руки к голове, а Элизабет лежала возле самой двери, то есть ближе всех к преступнику.

– Все наверх, в хранилище! – заорал грабитель по-английски.

Спустя пару минут преступник и четыре заложника забаррикадировались в небольшой комнате с банковскими ячейками. На несколько минут в этой комнате, наполненной железными ящиками, кодовыми замками и никому не нужными стопками бумаг, воцарилась гнетущая тишина. В зале банка послышалось какое-то движение.

Комиссар полиции Свен Торрандер вошел внутрь. Мужчина поднял руки вверх и громко крикнул о том, что у него нет оружия. Грабитель разрешил ему подойти к двери хранилища на втором этаже, а затем озвучил наконец свои требования. Три миллиона шведских крон новыми банкнотами, две пушки, каски, бронежилеты, патроны, спортивный автомобиль и Кларк Олоффсон, отбывающий в настоящий момент срок в тюрьме Кальмар.

«По действиям преступника было видно, что он в отчаянии и способен на все. Мы готовы были пересмотреть четкие инструкции на этот счет, запрещающие преступникам покидать помещение вместе с заложниками. Преступник не раздумывая стрелял в полицейских и по чистой случайности никого не убил. В качестве врача мне разрешено было пройти на территорию банка и поговорить с ним. Мне стало очевидно, что этот мужчина не находится под воздействием алкоголя или наркотиков, а также не является сумасшедшим. Он был решительным человеком с нормальным интеллектом, действовавшим рационально и согласно своему преступному плану. Это обнадеживало. Если бы он был психом, было бы очень трудно предсказать его дальнейшие действия».

(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

***

Швеция долгие десятилетия считалась оплотом спокойствия в этом безумном современном мире. Здесь никогда и ничего не происходило, а осужденные преступники должны были ждать своей очереди для отбывания своего срока заключения. Здесь даже обычные кражи случались крайне редко. Настолько дерзких преступлений, как ограбление банка с захватом заложников, тут не происходило никогда. Никто попросту не знал, как следует себя вести в подобной ситуации. На долгих шесть дней отделение банка на площади Нормальмсторг превратилось в неприступный бастион, в котором уже не действовали законы Швеции. Эти несколько квадратных метров превратились для всех участников событий в иной мир, в котором действовали совсем иные правила и законы.

Из-за парика и очков на лице грабителя долгое время никто не мог определить личность преступника, однако очевидно было, что с его психикой не все в порядке. В те годы не могло быть и речи о какой-либо тактике ведения переговоров, да и криминальные психологи были большой редкостью. Одним из психологов, консультирующих полицию, был Нильс Бейерт, виднейший ученый с мировым именем. Как только стало известно о произошедшем на площади Нормальмсторг, полиция тут же пригласила ученого для ведения переговоров. Нильс приехал одним из первых.

Постепенно все силы полиции, а также все журналисты, репортеры и просто любопытные жители Стокгольма стекались на площадь, образуя тем самым кольцо вокруг отделения банка. Вскоре уже все руководство страны, вплоть до министра юстиции, премьер-министра Улофа Пальме и умирающего от обострения пневмонии короля, знало о беспрецедентном ограблении банка. Чтобы выиграть время для маневра, было решено пойти на уступки и выполнить часть требований преступника.

Через пару часов после захвата банка по коридору тюрьмы Кальмар вели самого известного преступника Швеции, на счету которого были убийства, грабежи, массовые беспорядки и ограбления банков. Кларк Улоффсон выглядел довольным жизнью и, казалось,

совершенно не удивлен тому факту, что его сейчас собираются везти в Стокгольм. Начальник тюрьмы отказался от сотрудничества с полицией и даже конвоиров для Улофссона не предоставил. Мужчина по вполне понятным причинам считал, что Кларк Улофссон только усугубит бедственное положение властей.

«Грабитель потребовал три миллиона крон и настаивал на том, чтобы к нему доставили Кларка Улофссона, преступника, которому предстояло сидеть еще шесть лет. За пару недель до этого Кларк уже предпринимал попытку побега, взорвав тюремную дверь, однако в тот раз его план дал осечку.

Мы понимали, что столкнулись с проницательным и амбициозным преступником. Он бы не стал продолжать переговоры, если бы не увидел, что хотя бы часть его требований исполнена. Обнадеживало только одно: мы имели дело с преступлением исключительно криминальным, лишенным всякой политической окраски»

(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

Кларк Улофссон вот уже несколько лет был главным и любимым преступником всех журналистов страны. Начав свою криминальную карьеру с мелких грабежей и небольших сроков, он быстро прославился своей жестокостью и фатальной наглостью. Один тюремный срок сменялся другим, но каждый раз, оказавшись на свободе, Кларк творил что-нибудь новое, еще более провокационное. В 1969 году он вдарился в бега. Тогда над ним шел суд за убийство и грабеж; не дожидаясь вынесения приговора, Кларк уехал из страны. Пробыв какое-то время на Канарских островах, он начал путешествовать по Европе. Арестовали его в одном из городов Германии. Ему предстояло отсидеть шесть лет. Несколько месяцев назад его перевели в тюрьму Кальмар. Здесь он чувствовал себя вполне комфортно и наслаждался лучами славы. Его знали все и в тюрьме, и за ее пределами. Небольшого роста, в не самой лучшей спортивной форме, с обаятельной улыбкой, скрытой под светлой бородой, он скорее напоминал постоянного клиента пивного бара или рабочего с мебельной фабрики, но никак не преступника.

Сейчас уже было понятно, что темный цвет кожи, афропарик и темные очки – дешевый маскарад. Преступником должен был оказаться кто-то из недавнего окружения Улофссона. На тот момент нашлось лишь двое человек, примерно подходящих по возрасту и росту, которые отклонялись от прохождения общественных работ в тюрьме. Сам Кларк заявил, что понятия не имеет о том, кто мог пойти на такое ограбление. О том, что им окажется неприметный мошенник Ян Олссон, полиция даже не предполагала. По всем характеристикам личности преступником должен был оказаться совсем молодой человек, но никак не тридцатилетний мужчина.

Кларка Улофсона привели в комнату для допросов и стали в подробностях рассказывать о произошедшем. Мужчина спокойно слушал и только изредка кивал, как будто бы одобряя те или иные действия. Казалось, что мир перевернулся и превратился в кривое отражение самого себя. Теперь не полиция допрашивала Кларка, а наоборот. Когда рассказ был закончен, один из полицейских подвел итог:

– Сейчас у тебя есть шанс сократить свой срок. Ты должен будешь поехать туда и сделать все, чтобы преступник сдался.

Кларк Улофссон лишь молча кивнул. Весь путь до Стокгольма они провели в абсолютном молчании. Лишь на подъезде к городу Кларк вдруг обронил:

– Итак, раз, два, три, четыре. Теперь есть четыре варианта развития событий.

– Какие? – поинтересовались полицейские.

От дальнейших комментариев Кларк отказался. Вскоре машина с Кларком Улофссоном въехала на площадь Нормальмсторг. Кларк Улофссон вышел из машины и вытянул руки

вперед для того, чтобы с него сняли наручники. Затем его подвели к оцеплению. Мужчина кивнул и прошел внутрь, перешагнув в мир, в котором сейчас действовали свои законы.

«Поговорив с Улофссоном, я утвердился в своем мнении об этом человеке. Изначально мы хотели обменять Улофссона на заложников, но преступник категорически отказался от такой сделки. Я понимал, что этот человек не совершит каких-либо отчаянных поступков и не собирается рисковать своей жизнью. Именно поэтому мы и решили позволить ему присоединиться к грабителю. Теперь в банке был как минимум один человек, который собирался действовать логически, последовательно и согласно собственной цели. Один умный человек с сильным желанием жить и рациональным способом мышления. Не так уж мало»

(Нильс Бейерт. Психиатр и консультант полиции)

Каждый шаг Кларка Улофссона снимали сотни журналистов. СМИ были счастливы видеть своего любимого персонажа. К нему уже давно относились не как к преступнику, но как к поп-звезде. Даже в тюрьме Кальмар хотя бы раз в неделю, да появлялись журналисты, желающие взять у него интервью.

***

С появлением Кларка Улофссона настроение у всех в хранилище банка переменилось. Все как будто вздохнули с облегчением. Кларк тут же начал расспрашивать людей об их самочувствии, шутить и, не стесняясь, обсуждал с грабителем, что тот планирует делать дальше.

Сложности возникли в тот момент, когда одной из девушек понадобилось в туалет. Отпускать ее одну было бы глупо, но идти вместе с ней было еще опаснее. Тем не менее грабитель, который все еще не назвал своего имени, пошел на риск и отвел Кристин Энмарк в дамскую комнату. Затем туда же пришлось отвести Элизабет, Бригитту и Свена.

Всю ночь они тихо переговаривались, шутили, а под утро даже решили сыграть в одну из настольных игр, распространенных в ту время на вечеринках. Конечно, никто не мог уснуть, так как организм в состоянии стресса включил режим экстренной готовности, однако резерв любого организма ограничен. Уже к утру Бригитта все же уснула на полу хранилища. Кларк укрыл женщину своей курткой и продолжил разговаривать с Кристин и Элизабет.

Ближе к десяти утра стоящий в углу хранилища телефон зазвонил. Этот звук буквально вырвал всех присутствующих из полусонного и тихого состояния. Они вдруг вспомнили о том, что стали заложниками при ограблении банка. Это обстоятельство сейчас казалось диким и глупым. Знаменитый преступник Кларк Улофссон оказался приятным и веселым мужчиной, да и сам грабитель, все еще не назвавший своего имени, уже не вызывал опасений.

Кларк Улофссон поднял трубку. На том конце провода был один из комиссаров полиции. Он говорил аккуратно и осторожно, более всего боясь разозлить безымянного преступника. Главной задачей было выяснить то, в каком физическом и психическом состоянии пребывают заложники. Кларк беспечно ответил, что все чувствуют себя хорошо, но вот еды и напитков им не хватает. Комиссар удовлетворился этим ответом и сказал, что перезвонит через несколько минут. Ему требовалось проконсультироваться с командой психологов, начальством и получить приказ сверху, чтобы доставить заложникам еду и воду. Наконец, одобрение было получено.

– Мы доставим вам еду и напитки, если убедимся, что с заложниками все хорошо.

Таков был финальный ответ полиции. Грабитель согласился на сделку, и уже через час Кларк Улофссон открыл дверь хранилища. Первыми спустились Бригитта и Свен. Как и

просил Кларк, они медленно спустились по лестнице и встали возле дальней стены зала для посетителей. Теперь полиция могла видеть их через стеклянные витрины отделения. Сам Кларк вышел вместе с Элизабет и Кристин. Он поочередно помогал девушкам спуститься по лестнице. Когда все они были уже внизу, Кларк панибратски обнял улыбающихся Кристин и Элизабет, а затем помахал полиции рукой. Их часть сделки они выполнили. Еще через час в помещении хранилища появились еда, вода и даже ящик пива, сильно воодушевивший Свена.

Такой поворот событий впечатлил журналистов. Раз грабителям звонит полиция, то и они смогут поговорить с главными звездами Швеции. В середине дня один из популярных радиоведущих тех лет сумел дозвониться до хранилища банка. Трубку поднял Кларк Улофссон, открывший в себе талант пиар-директора. Кларк был вежлив и добродушен. Он повторил требования грабителя: три миллиона шведских крон новыми банкнотами, оружие, бронежилеты, каски, машина. По замыслу грабителя он вместе с двумя заложницами должен был сесть в машину, за рулем которой должен был быть Кларк Улофссон, и скрыться в неизвестном направлении. Заложников он обещал высадить на середине пути.

– …Он не хочет ничего плохого, просто ему нечего терять, и поэтому он готов на все, – заключил Кларк. Журналист поблагодарил его и поинтересовался, не разрешит ли Кларк поговорить с одной из заложниц. К немалому удивлению корреспондента, Кларк передал трубку Кристин.

– Добрый день. Все мы чувствуем себя хорошо. Играем в настольные игры и неплохо проводим время. Мы с Элизабет готовы поехать вместе с ними, так как мы ничуть не боимся людей, которых вы называете преступниками. Мы не менее отчаянные, чем они. Намного сильнее мы боимся возможных действий полиции, которая ведет себя слишком агрессивно…

«Правительство Швеции уже в первый день захвата приняло два категоричных решения. Во-первых, разрешить Кларку Улофссону присоединиться к грабителю. Во-вторых, ни при каких обстоятельствах не позволять преступникам покидать отделение банка вместе с заложниками. В противном случае мы бы оказались в слишком опасной социальной ситуации. Помимо очевидной угрозы жизни заложников, мы бы получили серию подобных преступлений по всей стране»

(Нильс Бейерт. Психиатр, консультант полиции)

Голос девушки звучал искренне, и невозможно было предположить, что девушка говорит все это по заранее написанному плану. Такого поворота никто не ожидал. Помещение хранилища банка в центре Стокгольма превратилось теперь в съемочную площадку самого беспрецедентного в истории Швеции реалити-шоу. Все, включая полицию и премьер-министра, гадали, что будет дальше. Журналисты ринулись снимать репортажи с предысторией всех участников событий и быстрее полиции связались с родственниками заложников. Конечно, теперь следующей после Кларка Улофссона звездой стала двадцатитрехлетняя Кристин Энмарк. Девушка происходила из добропорядочной провинциальной семьи рабочего и учительницы. Тоталитарная мама и любящий пропустить стаканчик виски отец. Кристин всегда была гордостью и радостью родителей. Закончив обучение, девушка вместе со своим женихом полгода назад приехала в Стокгольм. Практически сразу ей удалось устроиться в это отделение банка. Казалось, что отныне и навсегда жизнь этой девушки определена и прописана: свадьба, повышение по службе, дети… В этот сценарий никак не укладывалось ограбление банка, но, похоже, девушка этому была только рада. Еще одной заложницей оказалась Элизабет, ровесница Кристин с практически идентичной биографией. Третьей заложницей была тридцатилетняя Бригитта, добропорядочная мать двоих малень-

ких детей, младшему из которых едва исполнилось полгода. Свен Сафстром – четвертый заложник, представлял наименьший интерес для прессы, одинокий, молчаливый мужчина был слишком непримечательной персоной, о котором даже родители толком не смогли рассказать хоть что-нибудь мало-мальски интересное.

В середине дня в хранилище вновь раздался звонок. На сей раз трубку взял сам грабитель. Звонил премьер-министр Швеции Улоф Пальме. За три недели до выборов глава правительства не мог допустить печальной развязки этой истории, а если все будет продолжаться в том же духе, история, при всех возможных вариантах исхода ситуации, закончилась бы печально. Если позволить преступникам скрыться, правительство предстанет беспомощным и некомпетентным. Раз полиция не способна справиться с одним вооруженным сумасшедшим, как ей можно доверить защиту целой страны. Если же власти сработают быстро и никто из заложников не пострадает, преступники превратятся в современных Робин Гудов и национальных героев. За эти несколько часов этих грабителей уже полюбили не меньше, чем героев сериалов. Оставался только один допустимый вариант – уговорить преступников сдаться.

Разговор с Улафом Пальме закончился ничем. Положив трубку, грабитель наконец снял свой карнавальный парик и вытер со лба проступившую испарину. На руке его остались следы старого грима, который он все же решил смыть. Вместе с гримом исчез и английский, на котором тот говорил. Теперь уже он говорил на шведском, причем даже довольно заметный акцент из его речи исчез. Впервые те, кого никто и никогда не слышал, получили возможность заявить о себе. Сам премьер-министр слушал его. Было отчего перенервничать.

Тридцатидвухлетний Ян-Эрик Олссон из небольшого городка Хельсингборг на юге Швеции оказался приятным в общении и даже воспитанным молодым мужчиной. Это был всю жизнь страдавший от безденежья, хронический и патологический неудачник и мелкий мошенник. Свою криминальную карьеру он начал в шестнадцать лет, как и Кларк Улофссон, вот только проступки у Яна были намного менее заметными. В основном это были кражи и подделка документов. Лет в двадцать он познакомился со своей будущей женой, с которой прожил десять лет. Они сходились и расходились, Яна задерживали и освобождали, затем все повторялось. Бедность легко способна довести до отчаяния, а криминальный склад ума Яна заставлял его придумывать все новые аферы.

Желая забыть бывшую жену, Ян переехал в другой город. Там он познакомился с девушкой, с которой быстро завязался роман. Вскоре он искренне полюбил эту девушку. Переезд значил для Яна еще и то, что теперь он должен был посещать тюрьму Кальмар для отбывания общественных работ за кражу сварочного оборудования. Здесь он и познакомился с Кларком Улофссоном. Ян всегда восхищался этим народным героем, обаятельным преступником с совершенно безумной биографией. Искреннее восхищение всегда располагает к себе, так что Кларк и Ян быстро сдружились, но нельзя было бы сказать, что они тут же стали лучшими друзьями. В тюрьме все уважали Кларка, так что круг общения у этого человека был весьма широк. Именно поэтому полиция поначалу не могла определить, кто из уклоняющихся от общественных работ стал главным героем трагедии на площади Нормальмсторг.

Заметив какое-то движение за стенами банка, Кларк и Ян поняли, что полиция готовится к штурму. Заложники испугались этого не меньше, чем грабители.

– Нам нужна жертва, – заключил Кларк.

Жребий решили не бросать. Пистолет направили на Свена – единственного мужчину из числа сотрудников банка в здании. Мужчина начал плакать и умолять не убивать его. Ян не выдержал и стал успокаивать несчастного. Никто не собирался его убивать, даже ранить. Нужно просто было выстрелить в кого-то так, чтобы полиция поняла всю серьезность намерений. Чуть успокоившись и выслушав все подробности плана, мужчина согласился.

Легкое ранение Свена в руку действительно убедило полицию в том, что штурм здания следует отложить. На время в хранилище вновь стало спокойно. Свен получил разрешение выпить все пиво, которое им передали, и это примирило его с жизнью. Они беседовали, смеялись, играли во все игры для вечеринок, которые только могли придумать. Кларк как бы между делом рассказал о недавней трагедии, произошедшей в Штатах. Там точно так же парочка преступников решила ограбить банк и так же взяла несколько человек в заложники. Полиция не стала слушать требования грабителей и сразу же пошла на штурм. Они пустили слезоточивый газ, причем в помещение с заложниками. В той трагедии выживших не было. Кто-то из заложников задохнулся, а кто-то погиб от пули. Эта история, произошедшая всего за пару месяцев до описываемых событий, сильно повлияла на настроение заложников.

Ян и Кларк производили впечатление веселых, милых и отчаянных молодых людей – что может быть притягательнее для юных девушек? Бригитте Ян разрешил поговорить с мужем по телефону, чем расположил ее к себе. Он ведь мог этого не делать, не идти на такой риск только ради того, чтобы женщина успокоилась. Свен же получил безлимитный доступ к алкоголю, да и ранили его совсем легко, а ведь могли и убить в такой-то ситуации… А вот полиции действительно стоило бояться. Если они пойдут на штурм, может случиться все, что угодно…

Когда на следующий день Кларк вновь заметил подозрительно возросшую активность полицейских, Кристин разозлилась не на шутку. Она решительно пошла к телефону и набрала номер администрации премьер-министра Улофа Пальме.

– Алло, господин Пальме? Хочу сказать, что я очень разочарована в вас. Я всегда была социал-демократом и поддерживала вас на выборах, а сейчас вы меня разочаровываете. Все, чего мы хоти, – это то, чтобы вы выполнили их требования: мы с Элизабет будем сопровождать Яна и Кларка. Это будет намного безопаснее, чем все другие варианты. В противном случае предлагаю вам приехать сюда и занять наше место, – резко заявила девушка.

Впоследствии и Улоф Пальме, и Кристин отрицали тот факт, что девушка предложила премьер-министру приехать и занять место заложников, однако в первых своих интервью Кристин упоминала об этой фразе. Впрочем, какая разница? Важно было лишь то, что отныне заложники целиком и полностью заняли позицию грабителей, а это уже нужно было учитывать.

Вечером этого же дня телефон в хранилище банка вновь ожил. Ян поднял трубку и поприветствовал звонившего уже на шведском языке.

– Добрый день, кто это? – раздался в трубке взволнованный женский голос.

– В последнее время меня в основном называют преступником или грабителем, как вам больше нравится, – с легкой иронией в голосе ответил Ян-Эрик.

– Очень приятно, я мама Кристин, могу я поговорить с дочерью? – без тени сарказма ответила женщина. Ян-Эрик передал трубку девушке. Мать девушки сейчас отчитывала дочь за ее неподобающее поведение и абсурдные заявления по радио. По мере того, что говорила женщина, лицо Кристин зеленело. В конце концов, Кларк сжалился над девушкой и волевым решением прервал звонок. Казалось, что Кристин уже сама готова попросить о том, чтобы ее пристрелили. Драма потихоньку превращалась в ироничную комедию об отчаявшихся людях, которых никто и никогда не слышал и которым, наконец, выпал шанс рассказать о себе.

Все уже слишком устали и перенервничали. И преступникам, и заложникам требовалось хоть немного поспать. Кристин прилегла в углу помещения, за стеной из банковских ячеек. Ян-Эрик в нерешительности подошел к девушке и спросил разрешения прилечь рядом. Девушка согласилась.

«Он вел себя как истинный джентльмен. Спросил разрешения обнять меня, и я позволила. Когда он спросил, возможно ли какое-то продолжение, я ответила отрицательно. Ян успокоил меня, сказал, что в этом ничего страшного нет и он никогда бы не позволил себе чего-то большего, чем я позволю, так как нет хуже преступника, чем тот, кто насилует женщин»

(Кристин Энмарк. Одна из заложниц Яна Олссона)

***

Следующий день начался точно так же, как и все предыдущие. Переговоры с полицией, интервью по радио, новый список необходимых продуктов и средств первой необходимости, затем снова интервью… В конце концов, полиция отключила преступникам возможность совершать исходящие звонки, лишив тем самым Кларка удовольствия раздавать интервью направо и налево.

Список необходимого на сей раз был значительно длиннее предыдущего. Матрасы, носки, средства личной гигиены для женщин, овощи, фрукты, пицца, ящик виски… – казалось, что они не заложники, а группа студентов, собирающихся в поход. Теперь всем было очевидно, что это не только заложники прониклись симпатией к преступникам, но и Ян Олссон с Кларком Улафссоном симпатизируют своим жертвам. Это уже внушало надежду.

Элизабет в своем интервью заявляла, что они совершенно не боятся преступников. Единственное, что может случиться страшного, – так это штурм полиции. Вот тогда их жизням действительно будет угрожать опасность. Именно это состояние жертвы Нильс Бейерт впоследствии и назовет Стокгольмским синдромом.

Вечером этого дня послышались странные, грохочущие звуки, которые доносились с потолка. Первым их услышал Кларк Улаффсон. Он тут же приказал всем замолчать и стал прислушиваться, откуда именно доносится грохот. Поняв, что сейчас начнется штурм, заложники впали в панику. Они умоляли полицию отступить, девушки рыдали и кричали. Осознав, что происходит, Ян и Кларк сориентировались моментально. Они были готовы к этому. И преступники, и заложники.

Кларк кинул Яну несколько веревок. Четверо заложников выстроились в ряд. Девушки кричали и плакали, умоляя полицию остановиться, а в этот момент Ян Олссон, согласно их плану, затягивал петли на шеях заложников. Оставалось только откинуть скамью, на которой они стояли. Только одно движение – и полиция получит четыре трупа. Пойти на такой риск они не могли. Полиция остановила штурм и заключила двенадцатичасовое перемирие с преступниками.

Лишь пара минут отделяла Кларка и Яна от начала штурма. На сей раз его удалось прекратить, но теперь уже это было лишь делом времени. Накопившаяся усталость последних дней давала о себе знать. Теперь они в немом оцепенении сидели в разных углах хранилища, не представляя, что делать дальше. Веселые истории, игры и алкоголь утратили свое значение.

28 августа штурм все-таки состоялся. Полиция разработала предельно точный план, согласно которому вся операция должна была занять ровно шестьдесят минут. В течение первых же минут требовалось обезопасить жизни заложников и лишь затем приступать к аресту Яна Олссона и Кларка Улафссона (если поначалу полиция была уверена, что он все же на их стороне, то к вечеру 27 августа всем стало очевидно, на чьей на самом деле стороне преступник).

Операция была проведена успешно. Освобожденных заложников вывели из хранилища. Всех их встречали так, будто это были новые рок-звезды.

Начавшийся судебный процесс дал журналистам новую пищу для размышлений. Никто из заложников так и не согласился свидетельствовать против Яна Олссона и Кларка Улафссона. Более того, все они требовали проявить к преступникам снисхождение.

Следующей новостью стал тот факт, что группа неизвестных оплатила преступникам дорогого адвоката.

Кларку удалось все-таки доказать, что он действовал исключительно в интересах полиции и заложников, а не помогал Яну Олссону, а сам Олссон все же попал в тюрьму. Приговор был сравнительно мягким для преступления национального масштаба. Десять лет Олссон должен был пребывать в заключении. Кларк Улафссон также должен был вернуться за решетку.

Несколько лет стены тюрем Швеции буквально осаждали фанаты Кларка и Яна. У каждого из них появились настоящие армии поклонниц, которые денно и нощно осаждали администрацию тюрьмы, пытались перелезть через стены, устраивали пикеты и добивались свиданий со своими кумирами. В числе посетителей легендарных Олссона и Улаффсона были и знакомые лица. Нет, вовсе не их родственники и старые друзья. К ним на свидания приходили Свен, Бригитта, Элизабет и Кристин.

Кларк Улаффсон проникся искренней симпатией к Кристин. Оказавшись на свободе, он первым же делом позвонил девушке. Они договорились о встрече в небольшом кафе в центре Стокгольма. Кларк пришел на встречу вместе со своей девушкой, а Кристин – с мужем. Они болтали до самого вечера. Это напоминало встречу старых друзей, настолько теплой была атмосфера. Их связывали только воспоминания, только самые яркие воспоминания в жизни – этого оказалось вполне достаточно для дружбы.

Вскоре на свободу вышел и Ян Олссон. Еще в тюрьме он женился на одной из своих самых яростных фанаток. Кларка, Яна и четверых их бывших заложников отныне связывала крепкая дружба, которую уже невозможно было как-то разорвать.

Криминальное мышление Кларка Улаффсона не позволило ему начать жизнь с чистого листа. В 1975 году он оказался на свободе вовсе не потому, что его срок заключения подошел к концу. Он попросту сбежал. Впрочем, Кристин, с которой он тогда встречался, не знала об этом. Вскоре Кларк вновь попытался ограбить банк и вновь оказался за решеткой. Он так и не смог вырваться из этого замкнутого круга.

Ян Олссон тоже вскоре после освобождения вновь попал в поле зрения полиции. Он успел провернуть несколько успешных финансовых махинаций, после чего умудрился сбежать из страны до момента его объявления в розыск. Чуть больше пятнадцати лет он жил в Таиланде, а в 2013 году решил вернуться в Швецию. Он добровольно пришел в участок и заявил, что устал скрываться, поэтому хочет получить свое наказание, а затем зажить тихо и спокойно. Удивительно, но в участок он пришел буквально на следующий день после того, как срок давности по его делам истек…

Так или иначе, Кристин и Элизабет стали самыми верными друзьями Кларка и Яна. При первой же возможности они выкраивали время и возможность для встреч. Рассказы о безумной жизни Яна и Кларка вносили новые краски в слишком уж обычные жизни девушек.

Отчаянная Патти Херст

Тихие и спокойные 1950-е годы в США подходили к концу. Америка задыхалась в насквозь прогнившем провинциальном консерватизме. Мужчины в старомодных костюмах и женщины в ярких платьях с пышными юбками, тихие вечера в семейном кругу, когда уставший мужчина приходит домой и углубляется в чтение газеты, пока счастливая женщина с фальшивой улыбкой хлопочет вокруг обеденного стола, смешные и лишенные всякого смысла комедии, – все это было в прошлом. Все чаще на улицах крупных городов можно было встретить странного вида молодых людей с длинными волосами, остекленевшим взглядом и блаженной улыбкой на лице. Движение хиппи в 1960-х годах стало набирать обороты. Они выступали за мир во всем мире и называли себя детьми цветов. По большей части это были подростки и студенты, которые искренне верили в то, что в их силах изменить мир. Они устраивали митинги и пикеты против самой позорной в истории США войны во Вьетнаме, приковывали себя наручниками ко всему, к чему только можно было их прикрепить, проповедовали свободную любовь и употребление легких наркотиков. Вместо того чтобы тратить свою жизнь на нужную лишь их родителям карьеру, они ехали в Индию и упорно искали себя. Поскольку употребление наркотиков и свободная любовь тоже требуют времени, поиски затягивались на десятилетия. Они ездили по стране на полуразвалившихся автобусах, пели песни и обменивались браслетами дружбы. Что в этом плохого? Да ничего. Каждый волен тратить свое время так, как считает нужным.

9 августа 1969 года Чарльз Мэнсон первым показал, как из нескольких никому не нужных подростков легко и просто можно создать армию, творящую абсолютный беспредел. Он не был ни серийным убийцей, ни абсолютным злодеем, но именно он показал то, во что может превратиться движение хиппи.

«Как я добился этого? Вы спрашиваете, как я смог добиться того, чтобы все они мне подчинялись? Все просто. Я говорил им то, что они хотели слышать. И только. Самую некрасивую девочку я раздевал и подводил к зеркалу. Потом я говорил: “Посмотри, как ты прекрасна”. И все. Мне больше ничего не требовалось делать»

(Чарльз Мэнсон. Массовый убийца, один из самых опасных преступников XX века)

8 августа 1969 года четверо членов «семьи» Мэнсона ворвались в дом 10 050 на Сьело Драйв и устроили кровавую резню. Жертвами их стали четверо человек, в том числе и беременная жена кинорежиссера Романа Полански. На следующий день они повторили свой подвиг и ворвались уже в другой дом.

По всей стране стали появляться движения, объявляющие себя борцами за свободу, но по сути являющиеся самыми обычными бандами. Никакого отношения к организованной преступности они не имели, так как ни правил, ни принципов, ни законов, ни малейшей организации у них не было. Среди самых известных были «Черные пантеры», давшие миру величайшего в истории хип-хоп исполнителя – Тупака Шакура. Среди самых глупых и бесславных – Симбионистская освободительная армия, лидером которой стал Дональд Дефриз.

Темнокожий мальчик Дональд из нищей семьи, в которой никому до него не было дела. Лет с десяти он промышлял мелкими кражами и частенько убегал из дома. Впрочем, похоже, этих побегов даже никто не замечал. В четырнадцать он уже примкнул к одной из банд и окончательно ушел из дома, а в двадцать уже отбывал срок за ограбление проститутки. Казалось бы, судьба его предрешена: впереди была череда драк, краж и арестов, из которых обычно и состояла жизнь таких, как он. Проблема заключалась в том, что Дональда угораз-

дило родиться смышленым и любознательным парнем, вот только учиться он начал лишь в двадцать и не в самом подходящем для этого месте.

Целыми днями он слушал критику правительства, угнетающего права темнокожих. В колонии девяносто процентов людей были темнокожими, так что сомневаться в этих суждениях не приходилось. Некоторые речи были глупыми и озлобленными, но некоторые действительно содержали здравые идеи. Во всяком случае, они казались таковыми Дональду.

В самом начале 1970-х Дональд вместе с несколькими товарищами умудрился сбежать из тюрьмы. К тому моменту Дефриз уже твердо решил создать собственную армию, выступающую за… за что именно, он тогда еще не придумал, но армию уже создал. Это главное.

Поначалу все это было весело. Они без конца грабили магазины, пробавлялись легкими наркотиками и изучали труды Че Гевары. Дефриз провозгласил себя генералом-фельдмаршалом Синкю, в честь одного из борцов за права темнокожих, жившего в девятнадцатом веке. Остальные члены новообразованной банды получили звания генералов и тоже взяли себе новые имена. К примеру, лучший друг Дефриза Рассел Литтл стал генералом Оцеолой, в честь военачальника индейского племени. Весело и вполне безобидно. Они сочинили свой манифест, печатали листовки, изредка промышляли грабежами – ничто не предвещало национального скандала.

6 ноября 1973 г. в Окленде, штат Калифорния, Рассел Литтл и Джо Ремиро застрелили директора школы Маркуса Фостера и тяжело ранили заместителя директора Роберта Блэкберна. Фостера, темнокожего кстати, они обвинили в расовой дискриминации и фашизме, за что и казнили. Вот это уже вызвало общественный резонанс. Маркус Фостер был одним из очень уважаемых членов общества. Этот мужчина сумел из школы в одном из самых бедных кварталов города сделать настоящее образовательное учреждение. В лучших традициях голливудских фильмов, он сумел заставить малолетних преступников сесть за уроки. Его выпускники стали поступать в колледжи и получать государственные стипендии, за что его стали уважать даже банды. Убийство такого человека никто не собирался спускать на тормозах, и в начале января 1974 года Литтла и Ремиро арестовали.

Итогом судебного разбирательства стали два пожизненных срока. Нужно было что-то делать, но что? Как вытащить друзей из тюрьмы? Как заставить людей услышать его идеи? Если поначалу даже Дефриз воспринимал Симбионистскую освободительную армию как игру, то сейчас он уже сам поверил в то, что призван устроить революцию. Никак не меньше.

4 февраля 1974 года в дом, который арендовал молодой аспирант Беркли Стивен Вид со своей невестой, студенткой второго курса факультета искусств Патти Херст, ворвались трое до зубов вооруженных людей. Девушка с автоматом пригвоздила к полу Стивена Вида. Патрисия Херст в банном халате и с повязанным на голове полотенцем вышла из ванной комнаты, чтобы посмотреть, чем вызван шум в гостиной. Двое молодых людей с оружием в руках скрутили девушку и вытолкали ее на улицу. Со стороны казалось, что сейчас в одном из престижных особняков неподалеку от университета Беркли идут съемки дешевого боевика. Мужчины завязали одеревеневшей от страха девушке глаза и затолкали ее в багажник. С этого момента жизнь юной дочери владельца крупнейшего медиахолдинга в стране изменилась раз и навсегда.

Патрисия Херст родилась в семье миллиардера Уильяма Рэндольфа Херста. Сложно представить более благополучную, счастливую и заранее предопределенную жизнь. Тихая и неприметная Патти всегда была послушной девочкой и любимой дочерью любящих родителей. Она мечтала стать актрисой, но, чтобы не расстраивать отца, все же отправилась учиться на факультет искусств в Беркли. Немаловажным фактором для этого решения было и то, что ее молодой человек Стивенн Вид собирался переехать в Беркли, так как его пригласили туда читать лекции.

Хорошее образование для добропорядочной жены. Дату их свадьбы определил отец Патти еще задолго до того, как молодые люди объявили о своем намерении связать себя узами брака.

Казалось, в ее жизни попросту не может произойти чего-то неожиданного, заранее не спланированного, и уж конечно, никто, даже в самом страшном сне, не мог представить, что вскоре лицо Патти Херст окажется во всех новостных выпусках страны. В разделе криминальной хроники. В качестве подозреваемой по делу.

Патти при всем желании не смогла бы сказать, сколько прошло времени, пока они ехали в машине. В какой-то момент шум мотора затих, и крышка багажника поднялась. Кто-то стал помогать девушке выйти из машины. Руки и ноги за время поездки онемели, и глаза все еще были завязаны. Она то и дело спотыкалась и падала. Наконец, кому-то надоело смотреть на эти мучения, и сильные руки легко подняли девушку и понесли внутрь дома. О том, что это именно дом, свидетельствовал тот факт, что они лишь поднялись на несколько ступенек, но не пошли к лифту и не пробирались по лестничным пролетам.

– Давайте закроем ее в шкафу, – раздался чей-то голос. Послушался звук открываемой створки. Девушка попыталась было заорать, но ей тут же пригрозили расправой и в качестве доказательства своих намерений приставили пистолет к голове. Она не видела его, но почувствовала прикосновение металла к виску.

По истечении шестидесяти дней из этого шкафа вышла девушка, которая попросит называть себя Таней Бунке[2], в честь подруги Эрнесто Че Гевары.

Шок прошел лишь в тот момент, когда девушку стали закрывать в шкафу. Она начала вырываться и отчаянно кричать. В доме было восемь человек, трое из которых – мужчины около тридцати. В том числе бывший морской пехотинец. Патти тут же заломили руки.

– Веревку дайте! – заорал кто-то прямо над ухом.

Спустя несколько мгновений веревку все-таки нашли. Руки и ноги девушки связали, а затем бросили на пол большого платяного шкафа. Все произошедшее было настолько нереальным, что казалось, это просто съемки фильма или хотя бы очень паршивый розыгрыш.

– Да вы знаете, кто мой отец? Вас поджарят на электрическом стуле за такое. Мой отец – Рэндольф Херст, лучший друг президента…

Неизвестно, какие именно угрозы доносились из запертого шкафа, но предположить это нетрудно. Дом в одном из черных кварталов Сан-Франциско на тот момент превратился в штаб настоящей экстремистской политической организации. По крайней мере, именно так считали все здесь собравшиеся. Истошные крики девушки в шкафу раздражали всех. Ей попытались засунуть кляп в рот, но та его тут же выплюнула и начала кусаться. Чтобы заставить девушку замолчать, Уильям Вольф по прозвищу Куджо предложил накормить Патти одним из популярных в то время наркотиков. По понятным причинам я не буду называть какие бы то ни было конкретные наркотические средства, да и не имеет это принципиального значения для описанных событий.

Еще минут пятнадцать из шкафа доносились угрожающие выкрики, перемешанные с мольбами и плачем, а затем организм девушки сдался и отправился в волшебное приключение по волнам собственного подсознания. Эффект от популярных в ту пору так называемых психоделиков в значительной степени зависел от того, в каком состоянии человек их принимал. На холодном полу шкафа и с завязанными глазами ничего хорошего привидеться не могло. Патти предстояло несколько часов наедине со своими страхами и проблемами.

Голоса за тонкой створкой шкафа придумывали манифест Симбионисткой освободительной армии. Идеологией организации был симбиоз всех живых существ на планете. Они

[2] Айде Тамара Бунке Бидер (псевдоним – Таня-партизанка, 1937–1967) – латиноамериканская революционерка немецкого происхождения, боец боливийского отряда Че Гевары.

выступали за «разрушение всех форм и институтов расизма, сексизма, эйджизма, капитализма, конкуренции…» и «симбиоз… различных тел и организмов, живущих в глубокой и любовной гармонии и сотрудничестве в лучших интересах всех, кто составляет единое тело».

Сквозь плотную пелену наркотического плена сознание девушки все же улавливало уверенный голос Дефриза. Час за часом.

Единственной целью Дефриза с товарищами было освобождение пожизненно осужденных Литтла и Ремиро. Они хотели обменять их на Патти. Для этого следовало доказать, что девушка с ними и она все еще жива. Патти все еще пребывала в наркотическом дурмане, но постепенно уже начинала приходить в себя. Ни рук, ни ног она не чувствовала, глаза были завязаны, а створка шкафа закрыта. Абсолютное небытие и полная сенсорная депривация. Все еще не очищенный от наркотиков мозг не желал мириться с отсутствием зрительной информации и продолжал порождать собственные сигналы. Иллюзии становились все менее отчетливыми, но они продолжали изводить девушку. Голоса за створкой вновь и вновь ругали правительство за очевидные промахи, провозглашали лишенные всякой логики манифесты и т. п. К примеру, Симбионистская партия считала одной из своих основных задач борьбу за права угнетенного чернокожего населения. Это звучало странно, учитывая, что среди них всех был только один чернокожий – Дефриз.

Приблизительно через сутки дверь шкафа открылась, и кто-то стал снимать повязку с лица девушки. Глаза Патти слезились от чересчур яркого света. Красивый чернокожий мужчина с искренней тревогой в голосе спрашивал о ее самочувствии. Он представился генералом-фельдмаршалом Симбионистской освободительной армии. Заметив ссадины на лице Патти, он велел кому-то найти антисептик и обработать раны. Скорее всего, за лекарствами послали Уильяма Вольфа, так как тот все-таки был сыном врача и хоть что-то понимал в медицине.

На следующий день все новостные выпуски Штатов потеряли всякий интерес к Уотергейтскому скандалу[3], все внимание репортеров было обращено к разворачивающейся на их глазах драме.

«Мама, папа, я в порядке. У меня всего несколько царапин, мне их промыли, и мне становится лучше. ...Я слышала, что мама очень сильно расстроилась из-за того, что было дома, и я надеюсь, что это не помешает нам. Я просто хочу выйти отсюда, увидеть всех вновь, вернуться к Стиву».

(Речь Патти Херст, 12 февраля 1974 года)

Так прозвучало первое послание Патти Херст. Похитители девушки потребовали освободить своих друзей, осужденных на пожизненное заключение, но общественность отреагировала на это требование слишком негативно. Их сочли самыми обычными преступниками, негодяями и убийцами. Манифест Симбионистской освободительной армии уже готовы были поднять на смех, как вдруг журналисты получили второе послание от Патти Херст, а вместе с ним и новые требования похитителей.

Раз их друзей никто не освободит, то пусть Рэндольф Херст даст по 70 долларов каждому нуждающемуся Калифорнии и напечатает массовый тираж брошюр с манифестом Симбионисткой освободительной армии. Именно так звучали новые условия освобождения Патти Херст. По самым скромным подсчетам это стоило бы магнату четыреста миллионов

[3] Уотергейтский скандал – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона. Единственный за историю США случай, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение обязанностей. – *Прим. ред.*

долларов. И это в 1970-х годах. Естественно, у бизнесмена не было таких денег. Начались долгие переговоры. Дефриз записывал свои патетические, исполненные пустого пафоса, речи о голодных и обездоленных и прикладывал к ним новые сообщения от Патти Херст. В ответ Рэндольф выступал со своими заявлениями, а мама девушки записывала нежные слова поддержки своей дочери.

Все это время Патти продолжали держать в шкафу и давать психоделики, чтобы она не выступала лишний раз. Открывая дверь шкафа, Дефриз видел совершенно несчастную, лишенную воли и поддержки девушку, которую хотелось защитить, а не убить. Он стал разрешать девушке выходить из шкафа и сидеть вместе со всеми в гостиной, пока они обсуждали план дальнейших действий. Это напоминало игру в шахматы. Ход Дефриза против хода Рэндольфа. Игра становилась все интереснее, а к присутствию девушки на этих собраниях постепенно привыкали и все остальные члены армии Дефриза.

– А где другие подразделения? – поинтересовалась однажды девушка у Дональда.

– Какие подразделения? – оторопел Дональд Дефриз.

– Подразделения вашей армии, – пояснила девушка. В этот момент все в комнате расхохотались.

– Мы и есть армия, – сказала, наконец, Камилла Холл, двадцатичетырехлетняя дочь священника.

Армия состояла из восьми человек, среди которых был сын врача, дочь священника и даже бывшая студентка Беркли. Всем им было по 25–29 лет, а Патти едва исполнилось девятнадцать. Даже бывшая стриптизерша Нэнси Линк Перри вскоре стала относиться к ней как к младшей сестре, а не как к заложнице, что уж говорить о Дефризе, давно уже опекавшем девушку.

Наконец, Рэндольф выдвинул последнее свое предложение: шесть миллионов долларов в пользу нуждающихся тремя траншами. Дефриз согласился, и первые два миллиона были перечислены в благотворительный фонд, развернувший активную деятельность по помощи обездоленным, когда вдруг Дефриз решил увеличить сумму выкупа, на что Рэндольф Херст ответил отказом.

– Не очень-то тебя и любят родители. Видишь, деньги для них важнее, чем дочь, – повторял Дефриз, да и другие члены С.О.А. были с этим согласны. Все это время они банально торговались с отцом девушки. Для них это всего лишь заложница, а вот Рэндольф торговался за дочь. И ведь деньги победили… День за днем Дефриз повторял эти слова, а спустя два месяца с момента похищения Дональд Дефриз опубликовал последнее сообщение от Патти Херст.

«Я точно знаю, что ни тебя, ни маму никогда не волновали интересы народа. Ты, корпоративный лжец, естественно, скажешь, что я не понимаю, о чем говорю, но тогда докажи это на деле. Расскажи бедным и угнетенным людям этой нации о том, что собирается сотворить с ними корпоративное государство. Предупреди чернокожих и обездоленных людей, что их истребят до последнего мужчины, женщины и ребенка. Мне предложили выбор: либо меня освободят в безопасном месте, либо позволят присоединиться к силам Симбионистской армии освобождения и сражаться за свою свободу и свободу угнетенных. Я решила остаться и бороться»

(Патти Херст)

К посланию прилагалась фотография девушки с автоматом в руках, в берете и под знаменем армии Дефриза – изображением семиголовой кобры. Шах и мат. Отныне Патти Херст не запишет ни одного послания. Она попросту перестанет существовать, ведь теперь она –

Таня. Именно такой псевдоним выбрала себе Патти Херст. Эта девушка стала символом и знаменем армии Дефриза. Услышав это послание, Рэндольф Херст заявил журналистам:

«Мы были с ней 20 лет, они – всего 60 дней. Я не верю, что она собирается изменить свою философию так поспешно и навсегда»
(Рэндольф Херст. Отец Патти)

15 апреля 1974 года Патти Херст с винтовкой в руках ворвалась в отделение банка. Патти и дочь священника Камилла Холл положили всех, кто в тот момент был в банке на пол, и стали угрожать им оружием. Остальные члены банды в этот момент грабили кассу. По итогу им удалось выручить чуть более десяти тысяч долларов и вновь стать главными героями сводок новостей.

– Патти Херст нельзя винить в этом ограблении. Уверен, что похитители угрожали ей расправой, если она не будет выполнять то, что ей говорят. Она совершенно точно не отдавала отчета в своих действиях и вряд ли делала все это добровольно, – в один голос твердили эксперты. Подобные выступления возмутили Патти.

Вместе с Дефризом они записали новое послание от дочери миллиардера. На этот раз девушка проклинала родителей и с явной злостью в голосе говорила о том, что ее никто не принуждал грабить банк.

«Я следила за клиентами и сотрудниками банка. Все были на полу. Моя винтовка была заряжена. Я ни секунды не была под прицелом товарищей. Наша акция 15 апреля заставила правительство поверить в наши силы…»
(Патти Херст)

Ситуация выходила из-под контроля. Вскоре это стало понятно и Дефризу. У друзей одного из участников банды они взяли машину и направились в Лос-Анджелес. Там они остановились в доме одного из самых бедных черных кварталов города. К ним здесь отнеслись настороженно. Здесь вообще относились настороженно к белым. А тут банда до зубов вооруженных белых беспредельщиков. Есть о чем беспокоиться.

По всей стране распространялись листовки с лицами членов банды Дефриза. В тот момент они по праву считались главными преступниками Америки.

Всем было ясно, что пора остановиться, но как это сделать, если почувствовал приторный вкус вседозволенности? Впервые в жизни люди стали тебя слушать, более того, тебя стали воспринимать всерьез. Дефриз, которому с большим трудом удалось арендовать дом в бедном районе Лос-Анджелеса, объявил, что отныне они залягут на дно на неопределенное время. Они будут проповедовать идеи Симбионистской освободительной армии, но никаких перестрелок и ограблений банка больше не будет. В конце концов, он-то привычен ко всему, а Патти не переживет и дня в тюрьме. Дефриз искренне влюбился в принцессу Херст. О девушке из Беркли ему и мечтать никогда не приходилось, она казалась ему каким-то инопланетным созданием, совершенно непохожим на девушек, с которыми он общался раньше. В их банде была еще одна девушка из Беркли, двадцатисемилетняя Патриция Солистик, но она была совсем другой. Мужеподобная, не выпускающая сигареты изо рта, она придумывала все речи и манифесты для их армии. Она вызывала уважение, но никак не симпатию. Юная и совершенно не приспособленная к жизни Патти – совсем другое дело. Херст была очарована сильным, мужественным и искренне верящим в свои идеалы Дефризом.

К сожалению, остановить членов своей банды Дефриз уже не мог. Им слишком понравилось творить беспредел. Как это водится, самые отчаянные и безумные поступки совершали люди, никогда не имевшие проблем с законом, в частности – супруги Харрис и Патти.

Херст хотела доказать возлюбленному, что не хуже всех остальных может палить из ружья, доказать своим родителям, что выросла и имеет право на собственное мнение, доказать… Впрочем, ладно, ей просто понравилось держать винтовку в руках.

Как можно оказаться в Лос-Анджелесе и не заняться серфингом? Это же просто преступление против человечности. Банда уже пару недель безвылазно сидела в этом ветхом доме на 84-й улице и буквально изнывала от скуки. Периодически кто-то из них заговаривал с местными жителями и рассказывал об идеях СОА. Их считали то ли странными, то ли сумасшедшими.

Решив развеяться немного, Патти, Эмили и Уильям Харрис взяли старый фургон, на котором они прикатили в Лос-Анджелес, и отправились в магазин спортивных товаров. Там они хотели купить костюмы для серфинга и еще какую-то ерунду. По большому счету, они просто слонялись по магазинам, а магазин спорттоваров случайно привлек их внимание. Почему бы не ограбить магазин? Бывший пехотинец Уильям Харрис оставил девушек в фургоне и отправился в магазин. Там мужчина начал угрожать пистолетом продавцу и требовать отдать всю выручку за день, а заодно и какие-то товары. Продавец попался не из робкого десятка и одним движением выбил оружие из рук Уильяма. Тут к ним подбежал охранник, и завязалась драка.

Харриса не было слишком долго, и Эмили уже начала нервно выглядывать из фургона, то и дело поглядывая на часы. В этот момент из дверей магазина вывалились Уильям и охранник. Мужчина в форме умудрился достать наручники и застегнуть одно их кольцо на руке Уильяма, как Эмили выпрыгнула из машины и повалила охранника на землю. Начался новый виток драки, который явно должен был закончиться приездом полиции.

В фургоне было полно оставлено оружия, в том числе и винтовка, с которой позировала Патти для той фотосессии. Дефриз уже давно научил девушку пользоваться этим оружием. На всякий случай.

Видя, что охранник побеждает, Патти взяла тяжелую винтовку в руки, открыла дверь фургона и начала палить в воздух. Звук выстрелов оглушил всех. На секунду Эмилии и Уильям замерли, а затем бросились в фургон. Им удалось скрыться с места преступления и отъехать пару кварталов, когда мимо проехала полицейская машина. Каким-то чудом их не заметили.

Нужно было срочно менять автомобиль. Харрисы и Патти остановили фургон и высыпали на дорогу. Они остановили первую же проезжавшую мимо машину и с криком «Твоя машина нужна Симбионистской армии» выкинули водителя на дорогу.

На этой машине они проехали еще немного, а затем вновь повторили трюк. Спустя пару часов они все же добрались до арендованного особняка на краю города. Побитые и задыхающиеся, с оружием наперевес, они ворвались в особняк. Когда Дэниел Дефриз услышал рассказ о том, что произошло, он даже не поверил поначалу. Как Патти могла высунуться из машины и начать пальбу из винтовки? Как вообще до такого можно додуматься?

В новостном выпуске уже рассказывали о происшествии в магазине спортивных товаров, а в городе был объявлен план-перехват. Кто-то из соседей сообщил о том, что в доме напротив поселились какие-то белые. Нужно было срочно убираться отсюда. Дефриз настоял на том, чтобы Харрисы и Патти немедленно уезжали из города, а он вместе с остальными хотел задержаться здесь еще на неделю. Патти не хотела уезжать, но здесь Дефриз был непреклонен. Оставаться Патти в Лос-Анджелесе было слишком опасно.

Эмили, Уильям и Патти уехали уже через час и успели выехать из города до объявления плана-перехвата. В этот момент полиция уже обнаружила брошенный на одной на одной из улиц белый фургон. Его тут же стали проверять по всем базам, и вскоре выяснилось, что несколько дней назад возле дома номер 835 по 84-й улице на него был выписан штраф. Полиция объявила охоту на главных преступников страны.

К дому номер 835 стала съезжаться вся полиция города. Как только за окном показалась первая машина полиции, Дональд понял, что времени у них больше нет. Вместе с друзьями они начали пробираться к черному ходу. Побросав все вещи, оружие и боеприпасы, они все же умудрились скрыться в соседнем доме.

Из окна 833-го дома они наблюдали за тем, как один из полицейских уговаривает их сдаться. Кто-то из соседей сказал, что белые люди с оружием уже давно уехали отсюда, но тут же появился пожилой мужчина, который сказал, что они никуда не уезжали. Даже не собирались.

Полиция начала забрасывать дом гранатами со слезоточивым газом, но никто так и не вышел. Когда полиция все же ворвалась внутрь дома номер 835, там уже давно никого не было. Да и в соседнем доме тоже. Отряд Дональда Дефриза в этот момент уже колесил по улицам Лос-Анджелеса. Из города они больше не могли выехать. Это напоминало беспомощные метания загнанного в клетку зверя. Наконец, в тридцати кварталах от 84-й улицы они увидели объявление о сдачи квартиры в аренду.

Пожилая и не очень трезвая женщина сказала им, что за сотню долларов в неделю квартира в их полном распоряжении. Это устраивало Дональда, и они ударили по рукам. Дефриз вышел на улицу и кивнул друзьям, ждавшим его в фургоне. Эту машину они угнали пару дней назад, и ее тоже нужно было бросить где-нибудь подальше отсюда. Пятеро белых в этом районе и так вызывали массу подозрений, а уж с винтовками и гранатами наперевес они выглядели совсем уж странно. Впрочем, в этом районе не принято было звонить лишний раз в полицию.

– Никто не должен умереть. Среди них может быть Патти Херст, – это указание полиции составляло главную проблему. В одних ток-шоу Патти называли жертвой, в других – глупой влюбленной девочкой, в третьих – преступницей. Так или иначе, но полиция не имела права застрелить дочь Рэдольфа Херста.

Патти Херст, Эмили и Уильям Харрис, у которого на руках все еще болтались наручники, в этот момент были уже далеко за городом. Они остановились в одном из придорожных мотелей в тридцати километрах от Лос-Анджелеса и решили провести здесь несколько дней. Дональд Дефриз был вне зоны их досягаемости, а следовательно, и указаний он дать не мог. Никто попросту не знал, что им делать. Они целыми днями сидели на одном из диванов в кафе при мотеле и с жадностью слушали все новостные выпуски. Патти удалось связаться с Дональдом, и тот как мог начал успокаивать девушку. Сам Дональд уже понимал, что ничем хорошим эта история просто не может закончиться. Он все так же убежденно произносил лозунги Симбионистской армии, и каждое из этих слов, словно молотком, заколачивалось в сознание девушки. У них было не так много времени на телефонный разговор. Неизвестно, когда в следующий раз они увидятся, поэтому она должна была запомнить каждое слово своего возлюбленного. В конце концов, именно благодаря этому человеку она была сейчас жива. Он дал ей вторую жизнь.

***

Шесть человек осели в доме номер 1466 по 54-й улице Лос-Анджелеса. Это было небольшое здание на несколько квартир. Теперь уже никто из членов армии Дефриза не рисковал лишний раз выйти на улицу. Все новостные выпуски рассказывали о том, как полиция оцепляет все прилегающие к дому 835 по 54-й улице кварталы. Кто-то доложил, что у них был еще один белый фургон, поэтому все силы полиции теперь были направлены на поиски этой машины. Количество полиции на улицах бедных кварталов Лос-Анджелеса поражало и пугало местных жителей.

Прошло уже больше суток, когда кто-то случайно заметил этот фургон на 54-й улице. Полиция запретила передавать эту информацию в СМИ. Сюда начали подтягиваться отряды полиции и ФБР. Нужно было как можно быстрее выяснить, где именно обосновалась банда Дефриза. Это было уже делом техники и времени. Через час они уже знали, что их цель – дом номер 1466. Полиция начала планомерно эвакуировать жителей соседних домов. Проблема заключалась в том, что в доме 1466 могла находиться Патти Херст, а она должна была выжить.

Все началось заново. Полицейский с громкоговорителем, гранаты со слезоточивым газом, снова громкоговоритель…

Наконец, в дверях дома показалось двое кашляющих от слезоточивого газа людей. Это были обычные жители дома. Мужчина, вышедший к полиции, начал чертыхаться и говорить, что никого постороннего в этом доме нет, а вот пара пожилых соседей, которые сейчас, наверное, спят, есть.

Полиция не поверила мужчине и снова продолжила вещать в громкоговоритель. В общей сложности просьбу сдаться произнесли восемнадцать раз, но никакого ответа не последовало. В ответ на новую гранату со слезоточивым газом раздалась автоматная очередь. Они решили умереть, сражаясь. Никто из шестерых человек Симбионистской армии не намерен был предавать свои идеалы. Людям не свойственно погибать за идеи. Такое случается, но все же чаще люди умирают за других людей. В тот день все, кто был в доме, решили сражаться до последнего за Дональда Дефриза. Лидер С.О.А. это понимал.

В этот момент вся полиция города, ФБР и десятки машин журналистов уже были близко он дома номер 1466. Журналисты собирались снять процесс переговоров, кое-кто уже записывал прямой репортаж, когда раздались первые выстрелы.

Началась самая массовая перестрелка в Лос-Анджелесе. Полицейские были вооружены обычными пистолетами, а банда Дефриза – винтовками, стреляющими автоматными очередями. И все же шесть человек не способны были дать отпор сотням полицейских. Перестрелка продолжалась уже полчаса, когда был отдан приказ использовать гранаты.

За пару минут до приказа поступило указание ни при каких обстоятельствах не использовать гранаты. Там могла быть Патти Херст, а перестрелку снимали в прямом эфире. Полиции удалось застрелить одного человека, но они даже не знали, кого именно. Столько выстрелов Лос-Анджелес еще не слышал. Банда решила сражаться до последнего.

Внутри дома номер 1466 творился настоящий ад. От выстрелов вспыхнули занавески. Буквально за минуту пламя перекинулось на ковер. На несколько минут они прекратили стрелять. Дефриз приказал всем включить все краны с водой и заткнуть раковины. Так можно было попытаться остановить пожар.

– Уходим в подвал, – крикнул Дональд Дефриз.

Пока они перебегали в подвал, кому-то из полицейских удалось подстрелить еще одного члена банды. И вот уже весь дом был устлан трупами отчаянных и никому не нужных молодых людей, так и не вышедших из подросткового возраста. Весь дом был объят пламенем пожара. До подвала добрались только трое: бывшая стриптизерша Нэнси Линк Перри, дочь священника Камилла Холл и Дональд Дефриз.

У них оставалось мало патронов. Пожар в доме добрался до боеприпасов, и сейчас их оглушали хлопки взрывающихся патронов. Дональд Дефриз разрешил девушкам попытаться бежать. Сам он решил остаться в доме. В духе лучших традиций боевиков и гангстерских фильмов. Когда девушки полезли по узкому проходу к окну подвала, сзади раздался еще один хлопок. Никто не понял, то ли это выстрел, то ли еще один взорвавшийся патрон.

Чтобы попытаться спастись, девушкам нужно было выбраться из подвала и пробежать несколько десятков метров до соседнего дома. Как только Нэнси выползла на улицу, ее подстрелили. Поняв, что выжить ей не удастся, девушка развернулась и начала палить по

полиции. Спустя мгновение Нэнси упала на землю. Следом за ней из подвала выбралась и Камилла Холл. Девушка уже не надеялась спастись и сразу начала стрельбу.

Спустя один час перестрелка закончилась. Никто не выжил. Самая массовая перестрелка в истории города подошла к концу. По самым скромным подсчетам на счету полиции было около пяти тысяч выстрелов, а на счету Симбионистской армии – четыре тысячи. В тот день язвительные скептики, смеющиеся над тем, что в боевиках хорошие герои всегда избегают пуль, были окончательно повержены. Ни одна из четырех тысяч пуль не достигла цели. В той перестрелке ни один полицейский не получил ни одного ранения. Журналистов, впрочем, интересовало только одно: была ли среди них Патти Херст?

***

Неделю Патти считали умершей. Трупа ее так и не нашли, но ведь пожар в доме уничтожил практически все. Семье Херст уже начали приносить свои соболезнования, а с экранов телевизоров не сходило лицо рыдающей матери Патти.

Патти наблюдала перестрелку в режиме онлайн. Журналисты в тот раз впервые использовали мини-камеры, позволяющие снимать в самой гуще событий. Лицо девушки буквально окаменело от горя. Эмили и Уильям Харрис сидели с точно такими же, лишенными всякой мимики лицами. Никто из них не ожидал увидеть такое. Они все умерли. Все их друзья. Для Патти это означало и смерть возлюбленного. Полицейский в одном из новостных выпусков картинно осматривал помещение и показывал на труп Дональда Дефриза.

– А вот и Ромео, – издевательски говорил полицейский, глядя прямо в камеру.

По заключению полиции Дональд Дефриз покончил с собой, когда понял, что живым он все равно не выйдет из этого дома. Впрочем, всем было плевать на погибшего Дональда Дефриза, всех интересовало одно: где, черт возьми, труп Патти Херст.

На следующий день редакция одной из газет получила кассету. Глухим и безжизненным голосом Патти Херст говорила свое последнее обращение к журналистам.

«Я погибла в пожаре, но возродилась из пепла. Наши друзья погибли не напрасно. Я все прекрасно осознаю и понимаю, что тюрьма – это не жизнь»

(Патти Херст)

Патти Херст, Уильям и Эмили Харрис залегли на дно. Они буквально растворились на бескрайних дорогах Америки, паутиной опутывающих гигантские просторы страны.

Они действительно должны были сдержать обещание, продолжить дело СОА. Патти не желала смириться со смертью своего возлюбленного, и это был ее способ борьбы с болью утраты. Пока она продолжает дело СОА, Дональд жив, а это главное. Вместе с Харрисами девушка переезжала из одного города в другой. Периодически они грабили магазины и заправки, но ничего серьезного пока не планировали. Практически сразу после перестрелки они ввалились в дом Кэтлин Солиа, лучшей подруги Анжелы Этвуд, одной из членов СОА. Анжела сгорела в пожаре 17 мая 1974 года. Кэтлин периодически помогала членам банды, но никогда не участвовала в их деятельности, считая желание изменить мир слишком глупым и детским. Сейчас, когда все друзья девушки сгорели заживо по вине полиции, она больше так не считала. С горящими глазами Патти Херст говорила словами Дональда Дефриза. Каждое слово буквально возрождало ее возлюбленного из пепла и гипнотизировало окружающих. Вместе они обсуждали жестокое правительство и корпоративных монстров, к числу которых относился и Рэндольф Херст. Кэтлин Солиа, ее молодой человек Джеймс Килгор, брат Кетлин Стивен Солиа и влюбленный в сестру Солиа Жозефину Майкл Бортин присоедини-

лись к С.О.А. и составили костяк возрожденной банды. Вскоре к ним присоединилась Венди Йошимура, еще одна яростная активистка.

Пословнявшись по бескрайним просторам Америки, Эмили и Уильям Харрисы, а также Патти Херст нашли, наконец, то, что так давно искали, – заброшенную ферму где-то в Пенсильвании. Это место вполне могло стать новой военной базой, которая возродит силы банды. Венди, Кэтлин, Джеймс, Стивен, Майкл, Эмили, Уильям и Патти ежедневно тренировались на этой базе. Одним нужно было восстановить свою форму, других – натренировать.

Спустя какое-то время им надоела эта самопроизвольная база военной подготовки, и они покинули ее, желая только одного – отомстить за смерти своих друзей в мае 1974 года. Они отправились в Сан-Франциско и начали прорабатывать план нового ограбления банка. План сработал. Даже дважды. Им удалось ограбить два банка. Патти, как и всегда, была за рулем, а остальные врывались в здания банка. В первый раз все обошлось без жертв, а вот во второй Эмили Харрис случайно подстрелила Мирну Опсала. Банде тогда удалось скрыться. Уже из новостей они узнали о том, что мать четверых детей Мирна Опсала скончалась в больнице, так и не придя в сознание.

Теперь уже общество отвернулось от банды С.О.А. окончательно. Их больше не считали народными героями, они были обычными преступниками. Новой, более драматичной версией банды Бонни и Клайда. До тех пор, пока СМИ были на их стороне, они чувствовали свою избранность и неприкосновенность. Смерть Опсала изменила все и всех. Казалось, что к ним, наконец, вернулся трезвый взгляд на мир и понимание того, что грабить банки нехорошо, как минимум противозаконно.

Они вновь залегли на дно. Чтобы оставаться в форме, они каждый день выходили на пробежку. Все также они обсуждали свои планы и ругали правительство. Также верили в то, что способны изменить мир. Нужно просто подождать, пока шумиха в прессе снова уляжется…

Через несколько месяцев после ограбления банка в Сан-Франциско агент ФБР догнал Патти Херст на пробежке. Мужчина попросту скрутил ее. Девушка даже не успела ничего понять, как на нее уже одели наручники. Эмили и Уильям Харрисов точно так же арестовали во время пробежки, но даже это не охладило пыл пламенных революционеров. Патти вела себя вызывающе. Она до сих пор не понимала, что сейчас ей грозит пара пожизненных сроков, раздавала интервью и хамила судьям.

Все изменилось в тот момент, когда она увидела родителей. На экране телевизора отец Патти Херст давал интервью журналистам одного из каналов.

«Патти – наша дочь, и мы всегда будем любить ее. Что бы ни случилось. Мы безумно счастливы тому, что наша девочка вновь вернулась домой. Журналисты говорят о том, что если бы на месте Патти был кто-то еще, отношение к ней было бы совершенно иным. Сейчас мы молимся лишь о том, чтобы к ней относились не как к моей дочери, а как к самой обычной девушке. Потому что если бы Патти была обычной девушкой, ее бы не похитили. Если бы я не был ее отцом, ее бы сейчас так не судили…»

(Из интервью Рэндольфа Херста)

Семья Патти внесла залог в миллион долларов лишь за то, чтобы на время следствия девочка оказалась дома. Девушка больше не салютовала сжатым кулаком, не провоцировала публику, да и вообще не говорила о политике. Она вообще больше ни с кем не хотела разговаривать и больше никогда не упоминала о Симбионистской освободительной армии. Рэндольф Херст приставил к дочери охранника – Бернарда Шоу. Тот должен был по пятам следовать за Патти, куда бы та ни пошла. Тихая и потерянная девушка больше не сопротив-

лялась воле отца и со спокойным равнодушием принимала необходимость существования телохранителя. Бернарду стало жаль несчастную девушку. Они стали подолгу разговаривать и обсуждать предстоящий судебный процесс.

Лучшие адвокаты страны изо всех сил старались доказать, что Патти была не вменяема и не отвечала за свои поступки.

«Патти Херст затолкнули в багажник, надели повязку на глаза, а затем в течение шестидесяти дней держали в шкафу. Она была полностью дезориентирована. Под влиянием стресса и наркотических средств она утратила возможность здраво рассуждать. Когда повязку сняли, все вокруг изменило свои формы и цвета, фигуры людей кривились, а пространство комнаты казалось уродливым. Ей разрешили присутствовать при обсуждении дальнейших переговоров, что также повлияло на ее состояние…»

(Из интервью одного из адвокатов Патти)

Пару лет кряду. Прокурор, судья и даже президент были на стороне девушки, но вот народ был против. Убийства, ограбления банков, участие в экстремистской деятельности, угоны машин… И за все это девушку нужно оправдать? Присяжные уже на следующий день вынесли единогласный обвинительный приговор. Семь лет ей предстояло провести за решеткой. Девушка была готова к такому повороту. Спустя год президент Джимми Картер вынес решение о сокращении срока заключения девушки, а спустя пару месяцев девушку освободили из-под стражи. На свободу вышла тихая, примерная дочь медиамагната Рэндольфа Херста, студентка второго курса факультета искусств. Ее встречали родители и все тот же телохранитель – Бернард Шоу. Спустя еще пару месяцев Бернард и Патти поженились и прожили вместе до самой смерти Бернарда в 2013 году. Патти активно участвовала в благотворительности, сыграла несколько не самых заметных ролей в кино, написала несколько книг. На все вопросы журналистов о временах своей молодости женщина отвечала всегда одинаково:

– Это… это была совсем другая Патти.

«Вначале мы обеспечили основные потребности Тани: жилье, питание, одежду, медицинскую помощь и новости снаружи, хотя мы считали секс основной потребностью человека, но наши приверженцы ее не эксплуатировали сексуально в связи с ее статусом военнопленного. Вместе с другими пленными Тане было отказано в свободе заниматься сексом. Но позже, когда она больше интегрировалась во все аспекты ежедневной жизни, мы пытались общаться с ней на равных. Естественно, что с увеличением личного взаимодействия эти отношения развивались в сексуальном плане».

(Из допроса Уильяма Харриса)

Заключение Тимоти Лири

Похитители из С.О.А. просто использовали на Патти Херст стандартные методы промывки мозгов, изученные Синком[4] *в тюрьмах Калифорнии: во-первых, физический шок похищения, дезориентация от заключения в небольшой темной комнате. Затем посещение Синком изолятора и преобразование его из роли тюремщика в источник биологического выживания Патти. Подобно матери, Синк приносил еду и питье, Синк отечески строго сказал ей, что ее выживание зависело от его каприза. Патти вернулась в состояние молочного младенца, в один фут высотой в шестифутовом мире.*

На протяжении всей жизни, как только опасность вспыхивает в первом мозгу, все остальные другие психические процессы прекращаются. Как только Патти промыли мозги вместо своих родителей и недоступного любовника, ей была введена новая система ценностей и символов, новый пузырь реальности. Его мощные мышцы гортани заполонили воздух крошечной комнаты звучной поэтической риторикой гетто, тюрьмы и подземного мира, усиленные апокалипсической марксисткой теологией. Ту же самую промывку мозгов испытали тысячи беглецов и людей без определенных занятий, которые в течение последнего десятилетия оказались в переполненном лоне нейрополитики[5]*. И важность страха невозможно переоценить в этих случаях.*

Для того чтобы сформировать собственную реальность, по мнению Лири, мозг использует схемы четырех уровней. Первые из них – младенческие, направлены на обеспечение выживания, распознавание сигналов опасности. Схемы второго уровня можно условно назвать схемами ребенка. Они обеспечивают эмоции, движения, осознание своего эго. Третий уровень – ученический – обеспечивает создание логических и семантических связей, это интеллектуальный уровень. Четвертый уровень, самый сложный, обеспечивает социальные и сексуальные связи. Феномен Патти Херст ученый объясняет тем, что девушке планомерно создали новую реальность. Первым пунктом перерождения был шок, связанный с похищением, а затем – изоляция. Сенсорная депривация, направленная на то, чтобы полностью дезориентировать человека, лишить его какой бы то ни было связи с внешним миром, лишить его реальности и осознания себя, – это необходимо для обеспечения перепрограммирования.

Достаточно нескольких дней изоляции, для того чтобы представление о нашей реальности начало разрушаться. Человек – существо социальное, и большинство контактов с внешним миром ему необходимо лишь для того, чтобы подтвердить факт своего существования в этой реальности, убедиться в том, что он сам существует, что мир вокруг него остался прежним. Для мозга необходимы такие контакты, чтобы убедиться в том, что все хорошо и нет никакой необходимости посылать сигналы тревоги.

Когда мы возвращаемся из отпуска, нам жизненно необходимо поговорить с максимальным количеством людей из списка наших контактов, и дело здесь вовсе не в том, чтобы похвастаться поездкой (хотя это тоже бывает весьма приятно), основной смысл наших действий – убедиться, что за время отсутствия наш мир не разрушился, все по-прежнему.

Проведенные исследования по полной сенсорной депривации показали, что человек, лишенный одного или нескольких органов чувств более чем на сутки, становится фатально внушаемым. Происходит импринтинг. Первый, кого человек видит, становится для него непререкаемым авторитетом, родителем, источником жизни. В этот момент человеку можно

---

[4] Партийная кличка Дональда Дефриза. – *Прим. ред.*

[5] Нейролиптика – квинтэссенция всех достижений Психоделической революции 60-х годов, составленная Тимоти Лири. – *Прим. ред.*

говорить все, что угодно, он поверит. Впоследствии должно будет пройти немало времени, чтобы человек переосмыслил сказанное в тот момент.

Первым, кто открыл дверь шкафа, был Дональд Дефриз. Он защитил девушку, позаботился о ней, обработал царапины, накормил и создал вокруг подобие покоя. Для полного перерождения требовалось теперь немного – создать новую реальность.

Человеку жизненно необходимо причислять себя к какому-либо сообществу. Ради этого состояния единства можно пойти на все. Реальность Патти была окончательно разрушена, а вместо нее появилась квартира, наполненная приверженцами новой для нее идеологии. Эта квартира стала отдельным островом спокойствия, счастья и единства. Патти больше не была дочерью Рэндольфа Херста, студенткой второго курса факультета искусств, теперь она была счастливой новорожденной, новобранцем армии Дефриза.

Вряд ли Дональд Дефриз действовал согласно подобным прописанным схемам, вряд ли он о них знал. Решив похитить Патти Херст, он действовал по наиболее простому и логичному сценарию. Багажник автомобиля, плен в шкафу, жалость к израненной девушке, пропаганда своей идеологии. Любовь.

Так или иначе, история Патти Херст – это печальная и отчаянная история бунта и любви, в которой у Патти не выпало шанса разочароваться. Дефриз погиб раньше, чем их страсть превратилась бы в какие-то осознанные отношения. Была ли виновна Патти Херст в совершенных ею преступлениях, или это было следствие Стокгольмского синдрома? Любое чувство можно разложить на фобии, комплексы и этапы программирования. Все мы ежедневно влияем друг на друга, заражаем идеями и пробуждаем эмоции. Любой преступник действует под воздействием вороха чувств, эмоций и импринтов, но ведь он осознает, что совершает преступление, нарушает установленные обществом законы и правила. Любой человек способен однажды примерить на себя роль жертвы, но не ко всем она подойдет. Дональд Дефриз неосознанно сделал выбор наиболее подходящего человека из числа тех, кто ему был нужен. Детей богатых и успешных людей в Беркли было предостаточно, но выбор пал на Патти. Робкая, неуверенная в себе, вечно желающая заслужить похвалу старших, – она идеально подходила на роль заложницы. Дремлющее в ней желание бунта получило возможность реализоваться благодаря возникшим обстоятельствам. Стокгольмский синдром – коммуникативный феномен, возникший под влиянием внешних обстоятельств, стал лишь катализатором для отношений Дональда Дефриза и Патти Херст. Смерть Дональда во время пожара 1974 года освободила девушку от оков этого синдрома, больше не нужно было симпатизировать преступнику, чтобы выжить. Нужно было либо вернуться в старый мир, лишивший ее возлюбленного, либо учиться жить в новой реальности, и, похоже, ей слишком понравилась эта реальность…

3096 дней плена, случай Наташи Кампуш

23 августа 2006 года в дверь пожилой жительницы Штрасхофа (пригород Вены) Инги Т. стали отчаянно стучать. Насторожившись, женщина выглянула в окно. На улице стояла худая, изможденная девушка полубезумного вида. На ней был одет неприметный сарафан из светлой льняной ткани, а волосы скрывала косынка. Те ужас и отчаяние, с которыми она колотила в дверь, наводили на мысли о том, что она психически больна. Инга Т., все так же подглядывая в окно, набрала номер полиции и сообщила о происшествии.

Девушка выглядела такой несчастной, что женщина все же открыла дверь, но постаралась оттеснить ее от входа. Мало ли что…

– Меня зовут Наташа Кампуш, и я жива, – тут же начала то ли молить, то ли кричать она. Голос ее срывался на хрип.

Инга Т. весьма резко оборвала ее и попросила подождать в саду. Слово «полиция» немного успокоило девушку, но она все равно продолжала нервно озираться по сторонам, будто боялась, что за ней гонятся.

Приехавшие на вызов полицейские также поначалу решили, что перед ними обычная городская сумасшедшая. Девушку попросили сесть в машину и все подробно объяснить.

– Меня зовут Наташа Кампуш, и я жива, – уже совсем охрипшим голосом повторила она.

Теперь оставалось только одно: выяснить, кто такая Наташа Кампуш.

1

Штрасхоф-ан-дер-Нордбан.
1970-е гг.

– Никогда не привыкну к этому месту, – пробормотал Генрих Эхлер, с трудом выбираясь из подвала дома в Штрасхофе.

– Не придумывай, когда твоя семья вынуждена была жить в подвале, ты еще и говорить-то не мог, – недовольно ответила Вольтрауд Приклопиль. Женщина привычно готовила праздничный воскресный ужин для всей семьи. К Эхлерам она всегда относилась сдержанно, вернее, с легким пренебрежением, скрывать которое удавалось далеко не всегда. В этот небольшой, но весьма уютный дом в Штрасхофе они переехали пару лет назад. Раньше здесь жил Оскар Приклопиль, отец ее мужа Карла и дед Вольфганга Приклопиля, четырнадцатилетнего сына женщины. Старый Оскар Приклопиль был человеком нелюдимым. Он мало чем отличался от всех соседей Вольрауд, вот только… О жителях Австрии частенько говорят, что они очень строги и сдержанны, но даже для Штрасхофа Оскар был слишком уж скрытным человеком, а дом его по праву мог называться крепостью. Собственно говоря, именно так его и окрестили соседи, а ведь только Эхлеры знали о том, что у дома имеется подземелье.

Четырнадцать лет назад, в 1962 году, когда у Вольтрауд и Карла только-только родился их первенец, Оскар начал строить бомбоубежище в подвале своего дома. Мир оказался на грани ядерной войны. Подобные формулировки, приправленные театральным шепотом чопорных дикторов той поры, ежедневно звучали с экранов старенькых черно-белых телевизоров. Те две недели, которые впоследствии были названы Карибским кризисом. Казалось, что вот уже завтра за окнами, украшенными занавесками в модный горошек, появится самый страшный и завораживающий пейзаж в мире. Ядерный гриб, способный уничтожить все живое на планете. Всеобщей панике поддались не только примерные домохо-

зяйки, но и правительство Австрии. Всем гражданам было рекомендовано выстроить частные бомбоубежища, на которые даже выделялись средства из государственного бюджета. Поначалу дотации выдавали легко, но очень скоро желающих получить деньги на бомбоубежище появилось слишком много. Теперь уже для получения средств из бюджета требовалось собрать невообразимое число документов. Зачем тревожить правительство по пустякам? Одинокий и нелюдимый Оскар Приклопиль взялся за обустройство бомбоубежища самостоятельно, решив, что деньги от его законной дотации могут пойти на что-то более важное, а уж он сам позаботится о безопасности своей семьи. В конце концов, это его долг как отца семейства. Какое же он право имеет требовать за это деньги? Именно так он объяснял свое поведение Вольтрауд. На самом же деле Оскар попросту поленился собирать все эти бумаги для строительства укрытия от бомбежек. В течение года продолжались строительство и обустройство глубокого бункера. Дом Оскара находился на отшибе и был укрыт от любопытных глаз плотным кольцом зелени. Даже ближайшие соседи мужчины не догадывались о том, что Оскар строит укрытие.

– Ты не понимаешь, Вольтрауд, – качает головой Эхлер, – они были вынуждены жить под землей, как черви. Чувство собственного достоинства, гордость, вера – все, что делает человека человеком, было уничтожено. Эти рассказы… Я слышал их каждый божий день.

Четырнадцатилетний Вольфганг Приклопиль, до этого момента с совершенно отстраненным выражением лица пялившийся на дно собственной чашки, вдруг с интересом повернул голову в сторону друга семьи.

– …Мама была готова на все ради того только, чтобы достать нам еды. Те люди, которые приносили нам еду, они казались кем-то вроде Бога… Они приходили сверху, они знали все о мире, они рассказывали о том, что творится там, наверху. И…

– Ты не можешь этого помнить, – недовольно прервала его женщина, и на сей раз Генри не решился продолжить рассказ о своем детстве. Генрих Эхлер, еврей из Австрии, родился в 1939 году. Семья его в годы Второй мировой войны вынуждена была поселиться в подвале дома. Им удалось пережить самое страшное для евреев из Австрии время, но воспоминания о годах под землей до самой смерти преследовали родителей Генриха, и, кажется, по наследству страх замкнутого пространства передался и Генриху. Именно поэтому он так не любил бывать в подвале дома Приклопилей. После смерти Оскара в бывшем бомбоубежище, служившем старику кладовой, оборудовали мастерскую. В этом небольшом, доверху заваленном разными деталями от старой техники помещении очень любил бывать Вольфганг. Пожалуй, это было его любимое место в доме. Здесь он чувствовал себя в своей тарелке. Здесь, вдали от посторонних глаз, ему было по-настоящему спокойно. Никто не мог помешать ему мастерить какие-то новые, никем не запатентованные изобретения. Да и отец Вольфи Карл поначалу с уважением относился к этому хобби сына. А такое уважение дорогого стоит. С отцом у Вольфи всегда не складывались отношения, но в день, когда мальчик собрал свой первый радиоприемник в бункере, отец впервые был горд за него.

Карл Приклопиль, хоть и оборудовал в бывшем бомбоубежище мастерскую, больше предпочитал проводить время в пивном баре неподалеку. Веселый и дружелюбный Карл Приклопиль всегда имел довольно много друзей, готовых пропустить с ним пару стаканчиков шнапса в баре. Пристрастия сына к одиноким видам деятельности Карл не понимал и, как это часто бывает, ненавидел их. Мы ведь всегда ненавидим то, чего не понимаем.

Мать Вольфи, Вольтрауд, добропорядочная и сдержанная домохозяйка, ревностная католичка с плотно сжатыми губами и жестким, цепким взглядом. Эта женщина с рождения знала, что должна посвятить себя семье, поэтому все свои силы она тратила на уборку и готовку. Вольфи и Карл имели свойство шуметь и мусорить, что, неизменно, вызывало в женщине бурю раздражения. Карл предпочитал скрываться от жены в питейных заведениях, а вот Вольфи оставался лишь подвал.

Вольтрауд не требовалось устраивать громких сцен. Достаточно было просто плотнее сжать губы и смерить сына брезгливым взглядом, чтобы мальчик потом всю ночь мучился от бессонницы. Под утро ему все же удавалось заснуть и, естественно, проспать сигнал будильника. Спустя пару минут в комнату обычно входила Волтрауд и будила сына. Мальчик вскакивал, и перед взором женщины оказывалась простыня с уродливым мокрым пятном в самом центре. Презрительный взгляд и сжатые губы. После чего громкий хлопок дверью.

«И пару раз я слышала, как они орали, а однажды, когда я проходила мимо по дороге в магазин, услышала, как она велела ему положить» описанное белье «в стиральную машину, прежде чем он уйдет»

(Соседка семьи Приклопилей по дому в Штрасхофе)

Когда за сыном закрывалась дверь, Вольтрауд вынуждена была приступить к стирке недавно испорченных простыней. Это занятие вызывало у нее такое стойкое отвращение, что к вечеру женщина уже буквально ненавидела сына. Естественно, вскоре ситуация повторялась.

Мочиться в постель Вольфи перестал лишь к десяти годам, а вскоре неприятные эпизоды вновь стали повторяться. Всеми силами Вольфи старался быть незаметным. Ни Карл, ни Вольтрауд об этом не говорили, но именно этого они хотели больше всего. Не то чтобы они не любили сына, просто они хотели, чтобы ребенок приносил меньше проблем. Ведь чем тише ребенок, чем меньше к нему нареканий, тем лучше. Ведь так, правда?

Вольфи преуспел в искусстве быть невидимым. И дома, и в школе. В этот большой и просторный дом в пригороде Вены они въехали в 1972 году. Вольфгангу Приклопилю тогда едва исполнилось десять лет. Здесь он часто бывал и при жизни старого Оскара. Угрюмый старик недолюбливал своих родственников, но вот к внуку питал нежные чувства. Частенько он брал внука на охоту, рассказывал премудрости обращения с оружием, учил мастерить и позволял спускаться в подвал. В свое время отец Карла столько сил и времени потратил на обустройство бомбоубежища, что до сих пор никому не позволял спускаться в подпол. О существовании длинных извилистых коридоров на глубине десятка метров под землей знали лишь самые близкие, а уж спускаться туда разрешалось только Вольфи, даже родному сыну Оскар не позволял таких вольностей.

И вот в 1972 году Оскара не стало. Узнав о смерти отца, Карл какое-то время соблюдал траур, но уже через две недели он перестал изображать скорбь. Отношения с отцом у Карла всегда не клеились, так что причин для скорби не было. Нужно было переезжать в большой и просторный дом. До этого они втроем ютились в крохотной муниципальной квартирке на Ругерштрассе 30, теперь же, на 160 квадратных метрах просторного дома они могли позволить себе развернуться. Наконец-то Карл получил возможность обустроить свое жилище по своему собственному вкусу.

Первым делом он спустился в подвал.

– Пойдешь со мной, я там и не был-то никогда толком, – сказал он сыну.

Вольфи угрюмо кивнул. Это место было для них с дедом священным, а сейчас Карл хотел разрушить упоительную тишину и спокойствие бункера.

Первым делом Вольфи постарался сделать так, чтобы Карл поскорее отступился от своей идеи ремонта. В тот день на него упало, по меньшей мере, несколько ведер, пару раз он заблудился и… Все равно план Вольфганга не удался. Карл ненавидел это бомбоубежище как раз за то, что ему не разрешалось здесь бывать. Сейчас ему больше всего на свете хотелось попросту уничтожить бункер.

Начался долгий процесс ремонта и перестройки дома. Бомбоубежище вполне естественным способом превратилось в склад-мастерскую. Карл и Вольфи там все время что-то

мастерили, пилили и переделывали. Вольфи с детства был очарован техникой. Он буквально с первого взгляда понимал, как починить вещь. Именно за этот свой талант он и был вновь удостоен чести бывать здесь.

Вскоре над бункером вырос огромный гараж семьи Приклопилей. Карл долгое время пытался найти хоть какое-то применение бомбоубежищу, но каждый раз все усилия шли прахом. Из мастерской постепенно подвал превратился в склад ненужных вещей, а затем и в личный кабинет Вольфганга Приклопиля. Это было его царство, его территория. Всю жизнь он учился быть незаметным и старался быть ровно таким, каким его хотят видеть. Здесь, в десятке метров под землей, он мог позволить себе быть собой.

Спустя пару лет переделка дома перешла в финальную стадию, и быт семейства Приклопилей нормализовался. Казалось бы, теперь тихие семейные вечера перед большим телевизором и в просторном доме будут наполнены идиллическим счастьем, но все вышло немного иначе.

Веселый и общительный Карл буквально не выносил тишины, царившей в их доме, этого презрительного лица жены с плотно сжатыми губами, которое появлялась каждый раз, когда он делал что-то неудобное ей, не выносил собственного сына. Просто потому, что не понимал.

Карл большую часть своей жизни проработал торговым представителем фирмы по производству бренди. Каждый день он должен был объезжать вверенные ему торговые точки, перебрасываться парой шуток с продавщицами и аккуратно раскладывать товар на полках. Конечно, вскоре его повысили, и теперь уже он должен был просто контролировать выкладку товара на полках магазинов, потом… Тихая и незаметная карьера Карла шла вверх. Никаких стремительных взлетов и оглушительных падений, но, по большому счету, ему грех было на что-то жаловаться. Он обожал свою работу и всех продавщиц, с которыми он привычно перебрасывался парой шуток, обожал посиделки с друзьями в ближайшем к дому баре и долгие разговоры с закадычным другом Генри Эхлером. Каким бы пространным и отвлеченным ни был их разговор, рано или поздно Эхлер ударялся в свои воспоминания детства. Подвал, бомбежки, голод… Подвал. Когда разговор заходил о детстве Генри, Карл тут же старался побыстрее с ним проститься. Генри списывал это на скуку, которая неизменно возникает, когда слышишь историю в сотый раз, но было в этой спешке и еще что-то. С другой стороны, не принято было у их поколения лезть друг другу в душу. Не хочет друг приглашать домой, не говорит о чем-то, значит, есть на то веские причины.

Дом в Штрасхофе медленно, но верно превращался в неприступную и скрытую от глаз соседей крепость. Приклопили всегда со всеми старались вести себя мило и вежливо, но ни с кем не сближались. Общительный Карл – и то старался держать с соседями дистанцию, что уж говорить об остальных членах семьи. Очень важно создавать благоприятное впечатление. Не так важно, как обстоят дела на самом деле, намного важнее создать правильное впечатление. Эти заветы Вольтрауд буквально с силой ежедневно вдалбливала в Вольфганга.

– Как ты моешь, ты же все делаешь неправильно! Как можно быть таким никчемным?! – без конца восклицала женщина. Она настаивала на том, чтобы Вольфганг помогал ей по дому, но каждый раз ей приходилось все переделывать за мальчиком. Вещи были сложены не под тем углом, на плитке виднелись не видимые все остальным членам семьи разводы и т. д. Все это заставляло его чувствовать свою никчемность и беспомощность. Когда-нибудь он станет достаточно сильным, чтобы дать ей отпор. Нужно только накопить достаточно денег для этого…

«Иногда было слышно, как на него кричит мать – делай уроки, убери в комнате, положи вещи в стиральную машину. Но он в ответ визжал ей, визжал по-настоящему, что он сыт по горло помыканием, что однажды он станет главным и тогда слушать будет

она. Это всегда происходило в обед, когда отца не было дома, – думаю, он немного его побаивался. Карл волновался о сыне – думаю, он хотел увлечь его футболом, походами, занимался с ним "мужскими" вещами, но его сын был чувствительным и застенчивым. Между Карлом и Вольфгангом возникали трения. Карл пил – у него всегда хватало бесплатных образцов бренди его компании, я часто видела, как он выгружал бутылки из машины, – и это было еще одной "горячей точкой". Вальтрауд была очень воздержанной: только стакан разогретого вина на Рождество. Многие из нас не замечают того, что кроется за внешним фасадом жизни, как мы не замечали тайн, скрывавшихся за стенами его дома. Ведь наверняка таким его сделало что-то в его отношениях с родителями, разве нет?»

(Соседка семьи Приклопилей по дому в Штрасхофе)

Укрепление стен дома в Штрасхофе началось с обустройства высокой живой изгороди, а закончилось электрошокерами, встроенными в пол. Впрочем, все это было уже через много лет после смерти Карла. А тогда, в 1970-х годах, все было не так уж плохо. Вернее, казалось. Со стороны Вольтрауд и Карл производили впечатление счастливой пары, но о том, что творилось за стенами их крепости, не было известно никому.

«Штрасхоф – безликое место без истории. Без традиции и деревенского характера, которого можно было бы ожидать при сегодняшней численности населения около 9000 человек. После указателя с названием местечка вдоль проезжей дороги и железнодорожной линии по равнине Мархфельда тянулись неприметные однообразные дома, перемежаемые промышленными зонами, которых полно на окраинах любого крупного города. Уже по полному названию населенного пункта – Штрасхоф на Северном пути – можно судить о том, что речь идет о местечке, живущем только благодаря привязке к Вене. Из него уезжают, через него проезжают, но сюда не приезжают без оснований. Единственными достопримечательностями в поселке являются «Памятник локомотиву» и железнодорожный музей с названием «Котельная». Сто лет назад здесь не набиралось и пятидесяти жителей, нынешние же работают в Вене и возвращаются только на ночь в свои домишки, как бы монотонно нанизанные на одну нитку. По выходным дням здесь жужжат газонокосилки, полируются машины, а нутро «милого домика» остается спрятанным в полутьме за опущенными шторами и жалюзи. Здесь главное – фасад, а не то, что скрывается за ним. Идеальное место, чтобы вести двойную жизнь. Идеальное место для преступления»

(Наташа Кампуш)

В семь лет, как и положено в Австрии, Вольфганг пошел в школу. Он был весьма одаренным и смышленым ребенком, а главное – тихим. Учителя на каждом собрании родителей отмечали в числе лучших Вольфи. Причем отметки у мальчика были самые что ни на есть средние, но он обладал удивительным даром нравиться. Вольфи нравился абсолютно всем. Невероятно красивый и послушный мальчик умел подстроиться под кого угодно. Одни учителя хотели, чтобы ученики проявляли больше инициативы, другие – чтобы сидели тихо, а третьи вообще хотели, чтобы вместо уроков дети в драмкружке занимались. Вольфи всегда точно знал, кто и чего от него хочет. Для того чтобы оставаться в тени и не выделяться, лучше всего выполнять то, чего хотят другие. Но только ни в коем случае не лучше всех. Чтобы не выделяться, понимаете?

Конечно, всем в начальной школе хочется похвалы от учителей, но когда хвалят одни, обязательно начнут ругать другие, да и одноклассники тоже рады не будут… А если его все-таки кто-то заметит, то увидит всю его ничтожность. Отец каждый раз, когда видел на горизонте сына, начинал рассказывать, что он ведет себя как девчонка, что он ни черта не умеет, хоть бы с друзьями пошел играть. Ну а мама, конечно, души не чаяла в Вольфи.

– Куда ты пойдешь, ты же болеешь еще, а лекарства, а вдруг снова штаны промочишь, все смеяться будут? – начинала она. Последний аргумент всегда был решающим. Что может быть страшнее смеха за спиной?

Вольфи благополучно закончил начальную школу и был переведен в школу «Хауптшуле Афритшгассе». Это была самая средняя школа, для самых средних учеников. Худших отправляли в коррекционную школу, а юных гениев отправляли учиться в лицей для одаренных детей.

Переход в новую школу – всегда большой стресс, но умение быть незаметным пригодилось и здесь. В пору, когда выбирали нового изгоя, а ведь в каждом классе обязательно есть такой, Вольфи умудрялся будто бы раствориться, слиться со стеной. Близких друзей у него никогда не было, но и издеваться над ним никто не пытался. Деньги и знания делали ему авторитет. Вольтрауд всегда заботилась о том, чтобы у единственного сына были деньги на карманные расходы, ну а Приклопиль тратил их только на своих одноклассников. Второй составляющей его образа были исключительные знания. Он чуть ли не с младенчества разбирался в технике лучше любого специалиста. В свободное время он изобретал новые чудеса техники и частенько представлял на суд одноклассников свои новые творения. Радиоуправляемая машинка, модель самолета, ружье – все это неизменно вызывало восхищенные возгласы. А раз так, раз он покупает им сладости и веселит изобретениями, значит, они от него зависят, они без него не могут обойтись, верно?

«Я как-то сказал ему, что он смотрится как девчонка, он выглядел таким ангелом. Ему нравились длинные волосы, и он не давал мне их обстригать. Мать Приклопиля жаловалась, что ее сын помешался на технике и что для входа в семейный дом в Штрасхофе нужно прилагать “настоящее усилие”. Помню, как после того, как он вырос и жил там с ней один, его матери приходилось кричать мне: “Подожди, пока я отключу систему защиты, чтобы открыть дверь!”»

(Роси Дони, парикмахер Вольфганга Приклопиля)

Конечно, все без Вольфи легко могли обойтись, но осознание этого приходит значительно позже.

В один из летних дней в самом начале каникул Вольфганг Приклопиль слонялся с компанией одноклассников по окрестностям Штрасхофа. Мальчик недавно собрал новую модель самолета, и компания решила зайти к нему, чтобы подробнее изучить изобретение товарища. Внутрь никто не заходил. Компания осталась ждать приятеля на площадке возле дома. Так происходило всегда. Никто из одноклассников ни разу не бывал внутри дома, в котором жил Вольфганг. Впрочем, и сам Вольфи никогда не стремился ходить кому-то в гости, предпочитая прогулки по нейтральной территории. Вольфганг скрылся за живой изгородью, а компания обратила внимание на лежащую на лужайке кошку. В этот момент на другой стороне улицы появилась еще одна компания, лидером которой был заводила класса, в котором учился Вольфи. Парень недавно завел собаку, огромного и еще пока не особенно-то выдрессированного пса непонятной породы. При виде кошки собака оживилась.

Когда Вольфи вернулся, держа в руках модель самолета, пес уже готов был растерзать отчаянно орущую на дереве кошку.

– Убери свою собаку, – сквозь зубы процедил Вольфганг. Казалось, сейчас он буквально оцепенел от увиденного. Какой-то грязный пес хотел растерзать кошку, его кошку, понимаете?

– Иначе что? – издевательски спросил парень.

– Иначе я застрелю твою собаку, – все таким же бесцветным голосом повторил Вольфганг.

– Что ты сказал? Повтори!..

В тот вечер Вольфганга Приклопиля в первый и последний раз в жизни избили. Этого оказалось достаточно. Он ничего и никому не сказал, даже матери, которая впала в настоящую истерику при виде сына. На следующий же день она повела сына по всем мыслимым и немыслимым врачам. Невролог, психолог, хирург… Казалось, что все лето прошло в этом бесконечном путешествии по врачам. Не на шутку обеспокоенная Вольтрауд у всех вокруг интересовалась, не повлияет ли неприятный инцидент на энурез мальчика…

Все свободное от посещения врачей время Вольфи проводил в подвале. Здесь никто не мог его найти, здесь было все, что нужно для счастья и покоя. Частенько он бродил по свалке в поисках деталей, еще чаще разбирал ненужную технику в поисках каких-то деталей, микросхем и т. п. Тот инцидент, произошедший в начале лета, уже давно всем забылся, но Вольфи не мог забыть тот день.

– Собаку застрелишь, да? Для этого ружье надо иметь… – сказал напоследок одноклассник, пнув скорчившегося от боли Вольфганга Приклопиля. Ему действительно очень нужно было ружье. Просто необходимо. Оружие способно ведь решить все проблемы. К концу лета Вольфганг Приклопиль собрал свое первое ружье. Чтобы протестировать изобретение, он отправился в лес, где стал нещадно палить по пролетавшим мимо птицам. Он отошел на приличное расстояние от дома, но Штрасхоф из небольшой деревни постепенно уже превращался в городок, и найти совсем уж уединенное место подростку было сложно. Выстрелы услышали и начали судачить о том, кто это мог сделать.

Изобретение Вольфганга показало хорошие результаты. Оставалось подождать начала учебного года. Тот парень уехал на остаток каникул куда-то с родителями. Никогда еще Вольфи с таким нетерпением не ждал начала занятий.

Первого числа все пошло совсем не так, как хотел бы того мальчик. При виде него одноклассники вдруг вспомнили тот инцидент и стали насмехаться над ним.

– Ну что, застрелил собаку-то? – то и дело спрашивали они.

– Нет пока, – пожимал плечами Вольфи.

Естественно, этот ответ вызывал новую волну насмешек. К вечеру Вольфи был буквально на грани срыва. Стресс так повлиял на него, что наутро он вновь проснулся в мокрой постели. Энурез, мучивший его вплоть до десяти лет, теперь вновь возобновился. Только вот теперь это было куда страшнее. Все утро отец издевался над ним, а Вольрауд презрительно поджимала губы. И все это из-за какого-то пса. Нужно было просто дождаться ночи, чтобы все исправить.

Следующий день прошел в прежнем режиме, но теперь Вольфи точно знал, как можно решить проблему. Дождавшись, когда родители разойдутся по спальням, Вольфи спустился в подвал и достал тщательно спрятанное ружье. На улице ему стало казаться, что из каждого окна за ним наблюдают не в меру любопытные соседи. Он уже готов был повернуть назад, но, представив себе завтрашний день, решил, что просто обязан довести дело до конца.

Дом одноклассника находился на другом конце Штрасхофа. Огромная собака мирно спала в будке. Вольфи оставалось только подобраться как можно ближе, чтобы не промахнуться. И ему удалось. Выстрел, правда, перебудил всех соседей, но каким-то чудом Приклопилю все же удалось незаметно ускользнуть.

Утром в школе он выглядел абсолютным победителем. Все поняли, кто убил собаку, но никто ничего не сказал. Доказать что-то все равно было невозможно. Никто не поверит, что идеальный ученик Вольфганг Приклопиль, на которого буквально молились все преподаватели, застрелил собаку местного хулигана. Больше никто и никогда не пытался связываться с Вольфи. Его побаивались и уважали. Со временем все забыли о собаке, а вот это смешанное со страхом и отвращением уважение осталось.

Никаких угрызений совести Вольфганг Приклопиль не испытывал, и, конечно, никакую плешивую собаку ему жалко не было. Этот пес напугал его кота. Собак он всегда терпеть не мог, да и какое ему дело до чужих животных, он обязан защищать то, что ему принадлежит, пусть о собаке плачет ее хозяин. Следуя этой логике, Вольфганг благополучно продолжил обучение в школе. Он вновь страдал ночным недержанием, но в остальном вел себя как обычный подросток, возможно, чересчур тихий, но ведь все люди разные.

«Он ужасно боялся моих собак, Амора и Нандо, хотя каждый в нашем доме знает, что они никогда не укусят. Когда мне случалось проходить с ними мимо него, он вжимался в стену, чтобы быть от них как можно дальше, и бледнел. А иногда кричал, чтобы я убрала своих собак»

(Шарлотта Старк. Соседка семьи Приклопилей по дому в Штрасхофе)

Карл не понимал сына. Все эти увлечения Вольфганга пазлами, книгами, моделированием – кто так себя ведет? Какой смысл во всех этих развлечениях? Все нормальные подростки должны днями напролет шататься по улицам и устраивать разные пакости, а не сидеть целыми днями в подвале, в десятке метров под землей. Бренди всегда продавалось неплохо, а в последнее время компания Карла даже расширилась, поэтому и зарплата мужчины заметно повысилась. Как следствие Карл теперь все чаще приходил домой изрядно выпившим, а в ближайшем к их дому пабе он стал завсегдатаем. Даже закадычный друг Карла, Генри Эхлер, не одобрял такого поведения.

Очень скоро по городку разнесся слух о том, что кто-то отстреливает птиц в округе, а еще через какое-то время Вольфганга, на время утратившего свою бдительность и патологическую аккуратность, застукали на месте преступления. В тот раз впервые родителей мальчика вызвали в школу.

Карл и Вольтрауд вернулись оттуда в смешанных чувствах. Женщина не могла поверить в то, что ее идеальный и совершенно беспомощный сын, до сих пор страдающий энурезом, способен на такое, а вот Карл… Был восхищен. Впервые он гордился сыном. Его Вольфи сам собрал ружье и занялся, наконец, чем-то, напоминающим мужское развлечение.

Впрочем, Вольфи настолько перепугался всей этой ситуации, что больше никогда не отправлялся на охоту.

У каждого человека есть враги и обидчики. Очень многим свойственно желание отомстить. Однако, к счастью, лишь немногие умеют бережно хранить свою обиду и строить коварные планы мести. У большинства на это просто нет ни времени, ни сил. Вольфганг Приклопиль помнил каждого человека, когда-либо ему насолившего. Борьбой он никогда не занимался и в драке точно бы имел проигрышное положение. Победить в словесной перепалке тоже шансов не было. Приклопиль всегда прилежно учился, но вот при ответе у доски на него нападал ступор. Но ведь всегда можно найти способ отомстить. В конце концов, поджечь дом обидчика.

В те годы по Штрасхофу прокатилась волна пожаров. Источник возгорания каждый раз установить не удавалось. Владельцы домов не курили, а проводка в каждом доме городка была в идеальном состоянии. Оставалась только одна версия – поджигатель. Но кто это может быть, и кому нужно, чтобы дома и хозяйственные постройки тихих и добропорядочных граждан горели, было непонятно. Виновника пожаров никто не нашел. Был ли к этому причастен Вольфганг Приклопиль? А почему бы и нет? Почему бы не повесить все неприятности жителей городка на человека, которого здесь теперь иначе, как монстром, не называют?

Шло время. Вскоре Вольфганг Приклопиль благополучно закончил школу «Хауптшуле Афритшгассе» и встал перед выбором: продолжить обучение или отправиться в техникум.

Родители, конечно, хотели дать сыну высшее образование, но в тот момент Вольфи проявил не свойственную ему настойчивость и пошел в техникум. Он был все таким же тихим и замкнутым парнишкой, каким был в школе, но здесь, в техникуме, каждый второй был тихим забитым парнишкой, а у Вольфи было несомненное преимущество: он был настоящим гением техники. Казалось, он может соорудить космическую станцию из утюга и пылесоса. В техникуме такой талант все ценили по достоинству. Вот только Карл был недоволен выбором сына. Каждый раз, когда он возвращался домой из бара, он кричал:

– Если не остался в школе, должен работать и самостоятельно зарабатывать на свои развлечения.

А развлечения Вольфи стоили довольно приличных денег. Он стал активно интересоваться разного рода охранными системами и полюбил автомобили. Первую машину он купил с рук еще в шестнадцать лет, когда даже думать о получении прав ему было рано, так как в Австрии водительское удостоверение можно получить лишь в восемнадцать лет.

Спустя год после покупки старого, разваливающегося на части BMW он уже участвовал в гонках. Еще через год он в них победил. Машины он менял как перчатки. Восстанавливал двигатель, менял все, что только возможно, и перепродавал. На вырученные деньги он покупал автомобиль получше, предпочитая проверенные марки – BMW и Mercedes. У его одногруппников складывалось впечатление, что Вольфи – сын обеспеченных родителей, по чистой случайности оказавшийся в непрестижном техникуме. Так примерно дела и обстояли на самом деле. Удивляло всех в Вольфи лишь одно: из замкнутого подростка с аккуратным пробором на голове он давно уже превратился в очень красивого молодого человека. Да еще и на красивом дорогом автомобиле. Так какого ж черта у него до сих пор не было девушки?

– Когда я заработаю достаточно денег, я поеду в какую-нибудь экзотическую страну и привезу оттуда жену, которая мне подходит, а девушки на один раз мне не интересны, – сдержанно отвечал Вольфганг. Карл, так и не попытавшийся понять своего сына, начал подозревать, что Вольфи – гомосексуалист. Через пару лет уже и все соседи парня тоже стали подозревать его в этом. То были 1980-е годы в Австрии, ни о какой толерантности тогда еще никто не говорил.

Когда первый год обучения в техникуме подходил к концу, отец Вольфганга случайно узнал о том, что концерн Siemens объявил новый набор людей для обучения и дальнейшей работы на концерне. При этом в случае успешного собеседования компания обязывалась платить довольно приличное для тех лет жалованье, да и соцпакет от такой крупной компании выглядел внушительно. В тот день Карл вернулся домой в привычно приподнятом алкоголем настроении. Буквально с порога он объявил о том, что Вольфи в экстренном порядке обязан записаться на собеседование. По факту ведь на концерне его должны были учить тому же, что и в техникуме, только еще и платить за это собирались.

Вольфганг не хотел бросать учебу, но… он ведь ничего не терял. Ну, подаст он заявление, но ведь провалится же на собеседовании. Что может быть проще?

Провалить собеседование ему не удалось. Милый, красивый молодой человек в аккуратно отглаженных вещах и с прямым пробором на голове просто не мог не понравиться пожилым дамам, проводившим отбор новых кандидатов. Теперь у Вольфи уже не оставалось выбора. Карл поставил ему ультиматум: либо он идет на концерн, либо съезжает из дома. Пришлось выбирать из двух зол.

Отныне Карл стал главным врагом в жизни Вольфганга. Они буквально не могли находиться вместе в одной комнате дольше пяти минут. Нет, никто не кричал и не устраивал сцен, просто концентрация ненависти в этот момент повышалась в помещении до критических пределов.

В 1981 году Вольфганг, как и полагалось тогда, пошел в армию. Воинская повинность в Австрии была тогда обязательной. Восемь месяцев службы. Вольфганга определили в

казармы Марии Терезии. Несколько недель перед армией отец без конца донимал его и издевался над тем, что он не сможет пройти службу в армии. После первого же дня в казарме его выгонят с позором. Приклопиль попросту промочит постель, да и все. Вольтрауд также сильно переживала за сына, хоть и не показывала этого.

Однако вопреки всем ожиданиям Вольфганг благополучно пережил шесть недель первоначальной подготовки, после чего его определили в связисты. Оставшийся срок военной службы он провел за привычными по концерну Siemens занятиями. Причем ночевать ему разрешали дома.

Шесть недель вдали от дома изменили Вольфганга, да и всех членов этой небольшой и очень замкнутой семьи. Как это часто бывает, поначалу этих изменений никто не заметил. Все так же каждый вечер Вольтрауд готовила ужин из нескольких блюд и ждала прихода своих мужчин. Все так же Карл приходил из ближайшего бара в изрядном подпитии. Так же приходил домой Вольфганг, и так же Карл продолжал изводить сына насмешками и издевками, а Вольтрауд продолжала опекать сына, который уже давно не нуждался в ней.

Когда Вольфгангу исполнилось двадцать четыре, он решил съехать от родителей. Карл воспринял эту новость как должное, а вот Вольтрауд считала, что это глупо. Зачем тратить деньги на аренду квартиры, если у них есть большой дом, да и как сын сможет самостоятельно за собой ухаживать, если он лишь несколько лет назад перестал страдать энурезом?

Вольфганг лишь несколько месяцев успел прожить в съемной квартире. Все чаще Карл чувствовал себя плохо. Здоровье мужчины, казалось, таяло на глазах. Теперь уже он не мог переварить не только пару порций бренди, но и полезные ужины Вольтрауд. Однажды приступ боли в животе оказался таким сильным, что мужчина буквально скорчился от боли посреди гостиной. Пришлось вызывать медиков. После ряда анализов выяснилось, что у Карла рак желудка в заключительной стадии.

Известие о болезни отца Вольфганг воспринял спокойно, даже безразлично. В то время он уже благополучно закончил обучение на концерне Siemens и честно трудился на благо огромной корпорации. Ни друзей, ни девушки у него все так же не было. Все свободное время он продолжал тратить на изучение охранных систем и переделку своих автомобилей. Вольтрауд попросила сына переехать к ним хотя бы на какое-то время, чтобы помогать с уходом за отцом. Вольфгангу ничего не оставалось, пришлось согласиться. Впрочем, это ведь только временно.

Каждый день Вольфганг просыпался в одно и то же заранее определенное время, завтракал и плелся на ненавистный ему концерн. Работу эту он ненавидел, но уволиться оттуда уже не мог. Куда тогда идти? Целыми днями выслушивать упреки и насмешки умирающего и от того просто невыносимого отца? Эта перспектива казалась намного более ужасной, чем необходимость каждый день выполнять одну и ту же никому не нужную работу. С коллегами он так и не сдружился, но со всеми поддерживал ровные, нейтральные отношения. В обед он вместе со всеми шел в ближайшее кафе. Когда разговор заходил о машинах, он тут же оживлялся и, казалось, даже лицо его преображалось. Он с настоящей страстью в голосе начинал что-то рассказывать и объяснять. Очень скоро коллеги стали обращаться к нему за помощью, когда их машины начинали давай сбой. Приклопиль с радостью соглашался и даже поначалу не брал денег за свои услуги. Слава о талантливом автомеханике быстро распространилась и по Штрасхофу, и по Вене. Теперь уже починка автомобилей превратилась не просто в хобби, но в полноценный бизнес, приносящий какой-никакой доход. Его старинный приятель Эрнст Хольцапфель, с которым они учились в техникуме, уже давно предлагал открыть свое дело, но Вольфганг считал такие идеи завиральными. Да и Карл, когда слышал подобное от сына, всегда поднимал его на смех. Он в постель мочиться только недавно перестал, а уже бизнес решил открывать. Точно так же отец реагировал и на мысли Вольфганга о переезде от родителей. Все решилось легко и просто. В 1983 году Siemens объявила о сокращении штатов,

под которое и попал самый средний и незаметный сотрудник – Вольфганг Приклопиль. Без работы молодой человек оставался недолго. Уже через пару недель он устроился в телефонную компанию Kapsch, на которой и проработал долгих восемь лет.

Все сокурсники и коллеги Приклопиля считали, что тот из очень обеспеченной семьи. Кто-то даже пустил слух о том, что отец Вольфганга – миллионер, просто захотел, чтобы сын набрался уму-разуму на простой работе. Конечно, такой сюжет скорее подходит для сказки или очень уж дешевой мелодрамы, однако факт оставался фактом – у Вольфганга всегда водились деньги. Обычно молодой человек лет двадцати тратит все заработанное на девушек, развлечения, алкоголь и арендную плату за отдельное жилье. А если нет девушки, живешь с родителями, да еще и органически не переносишь даже запах алкоголя? Высвобождается масса денег, которые попросту некуда тратить, разве что на приятелей. Ведь если люди берут у тебя деньги, значит, ты им нужен, значит, они от тебя зависят… Странная щедрость замкнутого парня и порождала слухи о его несметном богатстве, ну а Приклопилу эти досужие домыслы даже льстили, поэтому он и не спешил их опровергать.

«Во время обеденного перерыва по понедельникам мужчины обычно собирались и болтали о женщинах, однако Приклопиль в эти моменты всегда уходил, с тем чтобы не слышать чего-либо на эту тему. С ним было трудно поддерживать обычный разговор об интрижках.

У него были очень ограниченные интересы: его BMW с сабвуферной стереосистемой, электронные системы сигнализации, что он установил в доме своих родителей, да модели поездов.

Он мог говорить часами с кем-то другим, у кого тоже был BMW. Остальным же он давал понять, что для него они ничего не значат, потому что не соответствуют его планам и интересам. При всяком удобном случае он пытался кого-нибудь оскорбить, чтобы хоть как-то выдвинуться.

Особенно плохие отношения у него были с женщинами. Он воспринимал их как низших существ, они для него ничего не стоили. Он, бывало, с гордостью рассказывал нам, как останавливал женщин-водителей при съезде с автомагистрали, нарочно преграждая им дорогу своей машиной.

Он еще и постоянно рисовался. Он уверил всех, что у его семьи есть деньги. Но отец заставил его искать работу – думаю, это было единственной причиной, по которой он в то время работал. Он не мог дождаться, когда же его отец умрет, и тогда бы он унаследовал его деньги. У него были не особенно хорошие отношения с ним»

Франц Трнка, коллега Вольфганга
в период между 1983 и 1991 годами
в венской электронной компании «Капш»

«Я всегда гадала, откуда у него деньги на строительство. Вообще-то, ходили слухи, что он выиграл в лотерею»

(Соседка Приклопилей Розмари Хелферт)

В начале 1990-х годов Карл Приклопиль умер. Тихо и незаметно, на одной из больничных коек районной больницы. Это были скромные похороны, на которых ни один человек не проронил ни единой слезы. Разве что старинный друг Карла Генри Эхлер искренне скорбел о смерти Карла. За годы болезни веселый и общительный Карл лишился почти всех друзей, да и коллеги по работе постепенно начали забывать лучшего торгового представителя бренди. Сдержанная Вольтрауд молча стояла у гроба. О ее чувствах можно было лишь догадываться по сомкнутым в тонкую нитку губам и остановившемуся взгляду. Вольфганг

признавался в том себе или нет, но воспринял уход отца с облегчением. Теперь все должно было бы измениться…

Вольтрауд больше не могла находиться в этом мрачном доме в Штрасхофе и предложила сыну переехать в их маленькую муниципальную квартирку на Ругерштрассе 30. Приклопиль хотел остаться жить в доме, но мать все же настояла на переезде.

Спустя несколько дней после похорон отца Вольфганг Приклопиль уволился из телефонной компании, в которой он прослужил без малого девять лет, и связался со старинным приятелем Эрнстом Хольцапфелем. На память об этой работе Вольфгангу достался белый микроавтобус, который он выкупил у компании, когда предписанный компанией срок службы автомобиля был уже на исходе. С Эрнстом Хольцапфелем встретились в одном из кафе Вены и проговорили достаточно долго. На тот момент Хольцапфель занимался строительным бизнесом. Вольфганг также мог найти себе применение в этой области. Конечно, заработок непостоянный, зато и не контролирует никто. Ни начальства, ни строгого графика работы, а денег, по словам друга, такое занятие могло принести много.

Вольфганг начал прилично зарабатывать и на первые же деньги приобрел дорогой автомобиль. Ярко-красный BMW редкой марки. Эту машину запоминали все и с первого взгляда, вот только того, кто был за рулем, никогда не замечали. Для того чтобы мыть и чинить машины, Вольфганг по-прежнему использовал дом в Штрасхофе. Соседний участок давно пустовал, и молодой человек стал его использовать по своему усмотрению. Правда, спустя пару месяцев Вольфганга ждал неприятный сюрприз. Участок, наконец, продали, и в дом по соседству вселилась какая-то семья.

По-прежнему дом в Штрасхофе Вольфганг перестраивал и модернизировал по своему усмотрению. Навыки работы в телефонной компании он применял вовсю. Несколько охранных систем, видеокамеры, сигнализации… Пару раз соседские мальчишки вламывались в пустующий дом, а через пару минут на месте преступления их уже поджидала полиция. Поговаривали, что после этих случаев Вольфганг оснастил дом новыми системами защиты. Теперь на паре участков дома злоумышленников поджидал неожиданный удар током. Правда это или нет, никто не хотел выяснять. Дом на окраине Штрасхофа за его защищенность и неприступность стали именовать Форт-Ноксом[6].

В 1991 году Вольфганг Приклопиль неожиданно для всех, в особенности для его матери, переехал в пустующий дом в Штрасхофе. Здесь он стал проводить все больше времени, без конца что-то перестраивая и модернизируя. Благо, на то были и средства, и возможности. К тому моменту Вольфганг поднаторел в строительстве и вполне мог обойтись собственными силами.

С соседями он был все так же мил, приветлив и совершенно нейтрален. С кем-то он перекидывался парой слов о машинах, с кем-то говорил о чем-то другом, но никогда эта беседа не переходила из вежливой в личную, ни при каких обстоятельствах он не говорил о себе. Вольфганг Приклопиль всегда был только тем, кем его хотели видеть окружающие. Это был его главный талант.

«Я никогда с ним не разговаривал и виделся, может, раз в месяц, не чаще. Он был очень вежливым, всегда дружески приветствовал меня и махал рукой из машины. Только раз я видел какую-то пожилую женщину – должно быть, его мать. Приклопиль был призраком города»

(Почтальон Герман Фалленбюхль)

---

[6] Форт-Нокс – военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла (штат Кентукки) и занимает площадь в 44 тыс. га (440 кмI). В настоящее время принадлежит американской армии и до 2010 года использовалась в качестве школы танкистов. В период с 2005 по 2010 год Танковая школа Армии США была переведена из Форт-Нокса на базу Форт-Беннинг.

Предельно вежливый молодой человек с прямым пробором в светлой рубашке-поло с коротким рукавом, аккуратно выглаженных брюках и обаятельной улыбкой – Вольфганг умел производить хорошее впечатление. Искусство быть хорошим мальчиком он освоил в совершенстве. Сейчас это начало приносить приличный доход. Клиенты моментально соглашались на сотрудничество при виде Вольфганга. Вот только почему тот всегда один? Единственным, с кем его периодически видели, был Эрнст Хольцапфель. С ним Приклопиль часто появлялся в закусочных и периодически заходил в ближайший бар, чтобы отметить очередную сделку. Это окончательно всех уверило в нетрадиционной ориентации Вольфганга.

– Когда я заработаю достаточно денег, я привезу жену из какой-нибудь слаборазвитой страны, – часто повторял Вольфганг.

Сколько это – «достаточно»? Если такое произносит двадцатилетний парень, это звучит смешно или глупо, но если это произносит мужчина, справивший свое тридцатилетие, – это уже, по меньшей мере, странно.

«Однажды я прямо спросила его, думает ли он когда-нибудь жениться, ведь он был очень красивым мужчиной, а он ответил, что когда заработает достаточно денег, то отправится в какую-нибудь приличную заграничную страну и там найдет для себя подходящую женщину. Это было его безоговорочной целью – заработать кучу денег и затем уехать за границу. Но он никогда не говорил, куда бы он хотел поехать… Я никогда не видела его с друзьями – ни с мужчинами, ни с женщинами – и ни разу не слышала, чтобы его видели в обществе женщины. Говорили, что он гомосексуалист, но, я думаю, все это сплетни. Он был обаятельным мужчиной, таким милым»»

(Георгина Малик, соседка Вольфганга Приклопиля)

Буквально на следующий день после переезда к Вольфгангу приехала его мать. Вольтрауд со скорбным видом прошествовала по комнатам и уселась в гостиной. Приклопиль не успел ничего приготовить из еды, и угостить Вольтрауд он мог только чаем с какими-то сладостями. Женщина поджала губы и вдруг застыла. Журнальный столик, на который были поставлены чашки, был покрыт едва заметным слоем пыли. От жара чашки на поверхности стола образовались испарения, и едва различимую пыль теперь можно было увидеть. Вдобавок ко всему на диване женщина нашла пару волосков. Этого оказалось достаточно, чтобы Вольтрауд устроила здесь генеральную уборку, а на следующий день женщина приехала с огромной сумкой в руках. Оттуда она стала по очереди доставать пластиковые контейнеры с едой. На цветных крышках обеденных лотков заботливой женской рукой были выведены дни недели: «понедельник», «вторник» и т. д.

Такая излишняя опека попросту не могла не выводить из себя здорового мужчину. Всеми силами он старался сдерживать подступающий к горлу гнев, но иногда этот номер не проходил, и он все-таки срывался. Соседи по дому в Штрасхофе частенько слышал перебранки матери и сына. После того первого приезда Волтрауд Вольфганг теперь каждый раз перед приездом матери затевал генеральную уборку. И без того предельно аккуратный Вольфганг в эти часы превращался в настоящего неврастеника. Любой волос на полу мог довести его до истерики.

И, несмотря ни на что, это уже была совсем другая жизнь. На пороге тридцатилетия Вольфганг Приклопиль стал, наконец, жить отдельно от родителей и получил удивительную возможность хотя бы иногда быть самим собой. Теперь уже глупо было откладывать необходимость обретения жены. Вот только с девушками он так и не научился общаться, да и где такую женщину найти? Его совершенно не устраивали девушки, которых он встречал в

барах и закусочных, не устраивали излишне самостоятельные, развязные девицы, к которым он не представлял, как подойти. Зачем он им нужен? Они ведь смогут без него обойтись, а ему нужна была та, которая не сможет без него жить, для которой он станет целым миром. Именно поэтому он так хотел одно время поехать куда-нибудь в Россию и привезти оттуда себе жену. Когда становишься старше, понимаешь, что у тебя больше нет времени. Это вовсе не значит, что все уже закончилось, но настает момент, когда ты четко сознаешь: все самое важное в твоей жизни происходит сейчас, и у тебя больше нет права откладывать что-то на потом. И если суждено совершить нечто безумное, то это произойдет тоже сейчас.

2

Закусочная с незамысловатым названием «У Кристины» располагалась прямо возле дороги. Автовладельцы и составляли основную часть посетителей этого заведения. На первый взгляд заведение могло показаться затрапезным и убогим, но так могли подумать лишь случайные посетители, коих здесь было немного. Для завсегдатаев это кафе с щербатой плиткой на полу, старыми, протертыми диванами и громоздкой барной стойкой было родным домом. Кафе в паре минут от Реннбанвега на окраине Вены открылось три десятка лет назад. За это время самые юные посетители кафе, которых когда-то притаскивали сюда незадачливые родители, успели уже повзрослеть, жениться и завести уже собственных детей. И ведь самое удивительное, практически все посетители «У Кристины» возвращались сюда снова. Был ли здесь вкусный кофе, хорошая кухня или, возможно, уникальный интерьер? Ничего подобного. Никаких плюсов, кроме довольно удобного месторасположения, в этом кафе не было. Разве что странная, удивительно уютная атмосфера, окутывающая тебя здесь. Казалось, что ты пришел не в кафе, а к любимой тетушке на чай. Пусть здесь и не слишком чисто, да и кофе посредственный, но ведь тетушка от этого не менее любимая.

Открывшая когда-то это кафе Кристина Палфрадер за три десятилетия работы превратилась из юной, но весьма сноровистой девушки в грузную даму с цепким взглядом и острым языком. Как только дверь кафе открывалась и в дверях появлялась фигура нового посетителя, эта женщина уже могла сказать, за какой столик этот человек сядет, что он закажет, какое у него образование и какие скелеты тот хранит в шкафу. Интуиция редко подводила Кристину.

Когда в дверь закусочной зашел Вольфганг Приклопиль, женщина сразу поняла, что тот сядет за столик в углу. Место для странных клиентов. Так уж повелось. Поначалу Кристина никак не могла понять, почему все странные типы всегда садятся за этот столик в самом углу закусочной. Рядом ведь туалет, и официантам клиента не видно, что в нем хорошего. Уже потом она поняла: люди, пришедшие в компании, хотят сесть поближе к окну, но, по большому счету, им не важно, где сидеть, они зациклены друг на друге, а не на окружающей обстановке. А вот одиночкам важно, за каким столиком сидеть. Стены создают ощущение защищенности, а тот факт, что из угла видно всех посетителей, удобен, это дополнительное развлечение: можно разглядывать других, в то время как тебя никто не видит. Ну а кто ходит в кафе в одиночку? Конечно. Только странные типы.

С тех пор, как Вольфганг переехал, он стал частенько сюда захаживать. Это кафе располагалось в нескольких минутах езды от квартиры матери на Ругерштрассе, 30. К матери он ездил довольно часто, а сюда заходил для того, чтобы успокоиться и собраться с мыслями после встреч с родительницей. Он всегда садился за этот столик в углу и всегда заказывал одно и то же. Пару раз, увидев, что столик занят, он попросту разворачивался и уходил. Практически никогда он не заказывал алкоголь. Лишь пару раз, когда он заходил сюда с Эрнстом Хольцапфелем отметить удачную сделку, Вольфганг заказывал бокал пива. Правда, даже тогда он оставлял этот бокал нетронутым. Алкоголь способен лишить человека кон-

троля над собой, а именно этого более всего на свете боялся Вольфганг Приклопиль. Эрнст Хольцапфель тоже сюда захаживал довольно часто. Один он здесь появлялся редко, чаще он бывал здесь в компании кого-то из друзей и знакомых. Душой компании мужчина точно не был, но и к категории странных типов не относился. По разговорам Эрнста с приятелями Кристина и узнала о том, что странный тип за столиком в углу занимается строительством, а по совместительству талантливый автомеханик. Эрнст рекомендовал приятелю обратиться к нему за помощью в ремонте BMW. Впрочем, о том, что Вольфганг Приклопиль разбирается в машинах, Кристина догадалась и сама. Ярко-красный спортивный BMW, на котором ездил Вольфганг, говорил сам за себя. Частенько Вольфганг приезжал сюда и на других автомобилях: белом минивэне Mercedes, черном автомобиле марки Ford и пр. Столько машин может иметь либо миллионер, либо человек, занимающийся автомобилями. На первого Вольфганг никак не тянул, как минимум потому, что ни разу он так и не оставил на чай ни пенса.

«Он иногда показывался здесь, несколько раз в неделю, но мы не знали его имени до тех пор, пока не увидели по телевизору. Он был очень спокойным мужчиной, всегда дружелюбным и вежливым со всеми. Каждый раз занимал одно и то же место в углу. Не помню точно, что он ел и пил, но, думаю, обычно это была сосиска, и он никогда не заказывал алкоголя – может, яблочный сок с газировкой, что-то в этом роде. Я не помню, когда он начал здесь появляться. Он был не из тех, кого замечают и о ком говорят.

Вольфганг разговаривал лишь с двумя другими техниками об их работе. Они оба восхищались им и говорили: он знает свое дело и действительно одаренный. У нас у всех создалось впечатление, что он образованный и толковый человек, поскольку он всегда был модно одет.

Он был интересным мужчиной, но каким-то неприметным. Да он как раз и старался не выделяться. Можно было сказать, что он невидимка. Единственное, из-за чего люди обращали на него внимание, – так это его броская машина. У него был большой спортивный BMW, который он часто парковал перед входом. Когда ревел двигатель, люди оборачивались и смотрели.

Последний раз я видела его в июле 2006-го, перед закрытием на три недели на отпуск в августе»

(Кристина Палфрадер,
владелица закусочной «У Кристины»)

Бывал здесь и Генри Кох со своей дочерью Наташей. Мужчина развелся пару лет назад и теперь довольствовался положением воскресного папы. С дочкой у него были прекрасные отношения, а вот с ее матерью совсем наоборот. Женщина чинила всевозможные препятствия, лишь бы только ограничить его общение с дочерью. И все-таки Генри удавалось видеться с дочерью довольно часто. Поскольку «У Кристины» располагалось в паре кварталов от школы Наташи, заглядывали они сюда часто. Генри заказывал спиртное, а Наташе просил принести пирожные. Весьма упитанная и замкнутая Наташа с превеликим удовольствием принималась за сладости и ничуть не торопила отца. Ей нравилась обстановка кафе, все эти проходящие мимо люди, да и сама Кристина, владелица кафе, ей тоже нравилась. Генри устраивался за стойкой бара и буквально забывал о Наташе за столиком. Пока на столике перед девочкой стояла тарелка с пирожными, такое положение дел Наташу вполне устраивало. Она любила слушать разговоры взрослых, оставаясь при этом незаметной, как будто невидимой для остальных. Кристина могла бы голову дать на отсечение, что эта девочка, придя в кафе лет через десять, обязательно выберет столик в углу. Тот самый, что сейчас занимал Вольфганг Приклопиль.

Бывало, что девочку сюда приводила мама с отчимом, невзрачным мужчиной, который пару раз обращался к Вольфгангу за помощью в ремонте автомобиля. Генри много рассказывал о жене и проблемах с падчерицей. Наташа была замкнутой, стеснительной и, что более всего огорчало маму Наташи, слишком толстой. Да еще к тому же и мочилась в постель. И это в десять-то лет!

– Прекрати есть, Наташа, ты слишком толстая, – визжала Бригитта Сирни, когда видела, что Наташа откусывает от яблочного пирога. Девочка с сожалением откладывала пирог и тянулась к стакану сока. – Не пей так много, опять описаешься! – еще громче визжала женщина.

Насколько знала Кристина, неприятные инциденты с девочкой случались лишь по ночам. Да и зачем, в конце концов, заказывать девочке сок, если потом запрещать его пить? Весьма успешная бизнес-вумен мисс Сирни вызывала смешанные чувства: то ли уважение, то ли неприязнь. Особенно жалко Кристине было маленькую Наташу, которая совсем не заслуживала такого обращения. И ведь это Бригитта не со зла, вот что обиднее всего. Просто она считала, что чем больше будет понукать, чем чаще будет напоминать девочке о том, что та толстая и некрасивая, тем быстрее это смотивирует Наташу измениться. Кристина видела, что такой метод воспитания не работает, он попросту не для девочки. Но как же об этом сказать матери?

Однажды мама Наташи отправилась в туалет, а Кристина сжалилась над девочкой и принесла ей кусок пирога за счет заведения. Мама как раз только что закончила отчитывать девочку за очередной ночной конфуз, о котором теперь знало все кафе. Наташа сидела совершенно подавленная и не смела оторвать взгляда от неровной и потертой поверхности стола. Вид десерта заметно взбодрил девочку. Она тревожно оглянулась, не видно ли на горизонте матери, и встретилась взглядом с посетителем за столиком в углу. Тот ободряюще ей улыбнулся, и девочка вспыхнула от стеснения. Она поняла вдруг, что и этот милый мужчина теперь знает о том, что сегодня ночью она опять описалась. И Кристина об этом тоже знает… И пирог ей принесли именно поэтому. Девочка отвернулась и начала побыстрее запихивать в рот дармовой десерт. Мама все равно ничего не должна была узнать о нем.

Вольфганг Приклопиль допил свой кофе, оставил на столе деньги (как всегда без чаевых) и отправился к выходу. Когда он уже вышел из кафе, мимо него прошел Ронни Хусек, парень, которому он однажды починил коробку передач на автомобиле. Ронни рассеянно кивнул давнему знакомому и присел за столик к девочке с пирогом. К ним тут же подошла и мать девочки. В витрине кафе отражалась семейная идиллия, в которой Наташа явно чувствовала себя неуютно. Ронни и Бригитта ворковали о чем-то, а девочка продолжала угрюмо разглядывать поверхность стола. Чуть погодя он полезла в школьный рюкзак и достала книжку. Явно не учебник, так как книжка была слишком маленькой и в мягком потрепанном переплете.

– Мама, а ты мне купишь то постельное белье с Барби? – тихо спросила вдруг девочка.

– Ты смеешься? Ты же все равно его испортишь ночью, тебе ничего, кроме клеенки, не положено, – отрезала женщина.

Из кафе Вольфганг отправился в магазин строительных товаров. Там он закупил шумоизоляционные материалы и все необходимое для черновой отделки помещения. С этого дня он начал прорабатывать план кардинальной перепланировки той части дома в Штрасхофе, о которой никому, кроме старого Генри Эхлера, ничего известно не было. Он не хотел ничего плохого, просто… Просто быть кому-то нужным. Необходимым. Стать для кого-то целым миром.

В этом не было ни грамма романтического подтекста. В том случае, если бы Вольфганг был педофилом, скорее всего, он выбрал бы ребенка с детской, ангельской внешностью. Если бы его интересовали совсем юные девушки, то выбор бы его пал на девочку с уже

оформившейся фигурой, но выбор Вольфганга пал на Наташу, самую некрасивую девочку в кафе. Она никому не нужна была в ее семье, и она так сильно напоминала Вольфгангу его самого.

*«Обращало на себя внимание также и то, как долго он все усваивал. Он был медлительным, но дотошным. Очень обстоятельным. Он сказал однажды, что "все девушки – ш***хи", и добавил: "Они меня не интересуют. Мне нужна супруга, которая будет понимать, когда я хочу побыть один, которая умеет хорошо готовить, счастлива быть всего лишь домохозяйкой, которая симпатична, но не считает внешность важной. Мне нужна женщина, которая просто будет поддерживать меня во всем"»*

(Эрнст Винтер, одноклассник Вольфганга Приклопиля)

3

Наташа Кампуш родилась 17 февраля 1988 года в семье швеи, а к тому моменту успешной бизнес-леди, Бригитты Сирни и булочника Людвига Коха. Беременность для Бригитты стала неожиданностью, и вплоть до дня родов, она не знала, стоит ли ей радоваться появлению нового ребенка или нет. Ей было уже тридцать восемь лет, и только недавно она наконец преодолела невидимый рубеж бедности. Всю свою жизнь она вынуждена была бороться за выживание, и вот сейчас, когда, наконец, материальное положение семьи стало более или менее устойчивым, должен был снова родиться ребенок. По опыту Бригитта знала, что ребенок неизбежно повлечет за собой дикое количество трат, да и работать она долгое время не сможет в полную силу… Так стоило ли? Однако новый муж женщины, добродушный булочник и хронический неудачник Людвиг Кох был так счастлив от новости о беременности жены, что Бригитта не посмела и заикнуться о прерывании беременности.

Тридцативосьмилетняя Бригитта Сирни уже имела двух дочерей, причем обе девочки были уже совсем взрослыми. Бригитта забеременела и вышла замуж в восемнадцать лет. Спустя два года на свет появилась вторая дочка, а еще через год Бригитте пришлось развестись с первым мужем. Мужчина благополучно исчез из поля видимости женщины, а Бригитта, как гордая женщина, не стала его искать и подавать в суд на алименты, считая, что должна сама справляться со своей жизнью. Родных, которые могли бы ей помочь с воспитанием детей, не было, поэтому приходилось как-то выкручиваться.

Они поселились в небольшой квартирке в районе Реннбанвег на самом краю Вены. Это место было всего лишь в двадцати минутах езды от величественного и прекрасного центра города с его старинными особняками и консерваториями, однако здесь ничто не напоминало о красотах столицы классической музыки. Серые блочные дома, построенные в 1970-х годах, быстро были украшены граффити, а наводнившие район эмигранты добавили этому месту определенного колорита. Бригитта презирала это место и всех жителей самого паршивого, по ее мнению, района в Австрии. И все же нужно было как-то выживать и как-то, пусть и с трудом, мириться с существованием этого сброда, то есть соседей. Бригитта неплохо шила. Оставшись одна с двумя детьми, женщина превратила этот талант в небольшой, но стабильный заработок. Поначалу она шила вещи друзьям и знакомым, а также знакомым знакомых, а потом открыла небольшое ателье на первом этаже дома, в котором они жили. Шло время, дела шли не то чтобы хорошо, но доход теперь был вполне стабильным. К тому же работа портнихи предполагала возможность большую часть времени проводить дома.

Однажды, когда старшей дочери Бригитты уже исполнилось четырнадцать, на примерку к женщине пришла почтенная дама, явно откуда-то из деревни (это было понятно по старомодной шерстяной юбке и шали, в которую куталась женщина). Дама пришла в ателье

в сопровождении сына, веселого и излишне разговорчивого мужчины, от которого чувствовался едва заметный запах домашнего вина.

Этим мужчиной и оказался Людвиг Кох, будущий отец Наташи Кампуш. Поначалу он просто стал приходить вместе с матерью на бесконечные примерки, затем стал забегать в ателье просто поболтать, а вскоре он поселился у Бригитты. В наследство от отца Людвигу досталась небольшая булочная в соседнем районе. Там он и трудился. Бригитта очень полюбила бывать в том месте. Ее буквально очаровали небольшие фахверковые домики в самом что ни на есть классическом стиле, разбросанные по всему району Марко Поло. Казалось, что в этом месте Средневековье не заканчивалось, а по улицам все еще должны были ходить рыцари и миннезингеры, ну то есть безработные неудачники Средневековья. Все уже давным-давно покупали продукты в супермаркетах, а здесь все еще работали старые добрые булочные и бакалейные лавки, повсюду были разбросаны удивительного вида кафе, в которых всем заправляли толстые тетушки с цепким взглядом наподобие Кристины Палфрадер. Кстати, кафе «У Кристины» располагалось совсем рядом отсюда, буквально в паре-тройке кварталов.

Как и любой крупный город, столица Австрии загадочна и многолика. Точно так же, как и в любом человеке есть все чувства и эмоции, известные миру, и в каждом городе можно встретить все, что угодно, все, что хочешь увидеть. Венская опера, филармония, Бельведер, умопомрачительно роскошные особняки эпохи барокко и рококо, готические замки и дворцы – все это только несколько хитро переплетенных между собой улиц и площадей. Стоит лишь чуть-чуть отойти от центра, как ты попадаешь в совершенно иной мир. Город, словно позирующий для постановочного фото, вдруг оживает. Неподалеку от центра есть округ, целиком и полностью состоящий из маленьких и скромных особняков, чуть подальше – царство конструктивизма с немного громоздкими многоэтажками, с другой стороны – современный сити… Здесь можно найти все, что пожелаешь.

Семейство Кох жило в небольшом районе, больше напоминающем старинную немецкую деревню, а не современный мегаполис. Здесь все магазины работали ровно до шести вечера, практически не было супермаркетов, зато на каждом углу располагались бакалейные лавки, булочные и небольшие кафе, в которых легко можно провести весь день, запросто переговариваясь с посетителями, поедая яблочный штрудель, который непременно нужно запивать крепким темным пивом. Здесь так принято.

Отец Людвига недавно умер и оставил в наследство сыну булочную. Расположена она была хорошо, и недостатка в посетителях не было, однако для Людвига каждый день такой работы превращался в пытку. Искусство приготовления свежего хлеба для продажи требует раннего подъема, а Людвиг ненавидел эту необходимость рано вставать по утрам. Да и к бизнесу он был не приспособлен категорически. Тем не менее на тот момент булочная была единственным источником дохода для Людвига и его матери.

Когда они только познакомились, Людвиг и Бригитта очень полюбили строить планы на будущее. Вот они откроют вторую булочную, кафе, бакалейную лавку, построят большой и просторный дом… Лишь спустя время выяснилось, что для Бригитты это были планы для будущее, а для Людвига всего лишь мечты.

Бригитта со свойственным ей энтузиазмом взялась улаживать дела мужа и весьма преуспела в этом. Вскоре у них уже открылось несколько новых магазинов. Спустя три года с момента их знакомства Бригитта вдруг поняла, что беременна. Для Людвига это была самая радостная новость в мире, а вот для Бригитты нет. Ее старшей дочери уже исполнилось двадцать лет, в пору бабушкой становиться, а не мамой.

17 февраля 1988 года в небольшой квартире номер 18 в доме 38 района Реннбанвег на свет появилась девочка, которую назвали Наташей. Здесь, помимо Людвига и Бригитты, жили две уже взрослые дочери Бригитты Сирни. Они были искренне рады появле-

нию ребенка и поначалу воспринимали его как новую куклу, игрушку. Клаудиа и Сабина водили ребенка на прогулки, кормили и наряжали девочку. Им обеим очень нравилось, что их принимают за молодых мам. Бригитта была рада этому обстоятельству. Благодаря помощи дочерей у нее оставалось время для работы. Бизнес шел хорошо, но о том, чтобы купить квартиру в другом районе, пока не могло быть и речи. Да и Людвиг Кох никак не помогал женщине в этом. Мужчина обожал свою дочь, проводил с ней много времени, но вот работу он воспринимал как досадную и весьма неприятную повинность. Мужчина очень любил подолгу засиживаться в баре неподалеку, любил бывать в пекарне, в которой сейчас всем заправляла его мать, но необходимость ежедневно вставать засветло, лишь бы только успеть развести заказы на свежую выпечку, его буквально убивала. К двум-трем часам дня он был уже свободен и остаток дня проводил либо в пивной, либо отсыпаясь в их небольшой квартирке. Общительный и дружелюбный Людвиг нравился всем соседям, а вот Бригитту все терпеть не могли. Отношение человека к тебе всегда является отражением твоего собственного отношения к человеку. Бригитта на дух не переносила всех этих нищих эмигрантов из Восточной Европы, наводнивших округ Реннбанвег. Каждый раз, когда кто-то решал заговорить с ней и это не имело прямого отношения к работе, на лице ее появлялось выражение крайней брезгливости. Жесткая и властная женщина ничего не спускала на тормозах. Любая соседская провинность, любая неправильно припаркованная машина становились поводом для скандала с привлечением властей. Все это не добавляло соседской любви к женщине. Да и не стремилась Бригитта к этому. Какое ей дело до того, что думают о ней окружающие. Уже много позже она не раз жалела о таком пренебрежении общественным мнением. Из-за большого числа приезжих округ Реннбанвег превратился в подобие маленького захолустного городка, в котором слухи распространяются со скоростью звука, никогда ничего не забывается и не прощается, а балом правит мнение соседей.

Наташа росла невероятно смышленым и рассудительным ребенком. Она очень рано научилась говорить, еще быстрее – читать. Буквально лет с трех она любила примоститься где-нибудь в углу с книгой и печеньем в руках. Еще больше она любила бывать в окружении взрослых людей, оставаясь безмолвным наблюдателем жизни.

Наташа обожала отца, а тот души не чаял в дочери. Частенько он брал девочку с собой на работу, нередко оставлял девочку на попечение своей матери в пекарне, где ребенка буквально окутывали запахи свежей выпечки, корицы и домашнего вина. Когда ребенок подрос, Людвиг стал все чаще вместе с девочкой после работы заруливать в ближайший бар. Бригитта, уже сильно переживающая из-за пристрастия мужа к алкоголю, надеялась на то, что присутствие дочери будет останавливать мужа, но здесь женщина ошибалась.

– Посмотрите, какая красавица! – громко провозглашал Людвиг в баре, усаживая девочку за столик. К ребенку тут же подтягивались скучающие посетители и начинали угощать сладостями и развлекать ребенка разговорами. Людвиг же шел к барной стойке и тяжело усаживался на высокий стул. Его лишний вес грозил перейти грань разумного, и вскоре уже он не мог поместиться на высоком стуле бара. Тогда он просто стал стоять у барной стойки, развлекая бармена своими разговорами.

Такие вечера Наташе нравились. Она любила бывать в обществе взрослых, а еще больше любила проводить вечера с отцом и матерью. Бригитта что-то недовольно ворчала, а Людвиг, ни на кого не обращая внимания, подбрасывал вверх радостно визжащую дочь.

С детства Бригитта Сирни знала, что проявление чувств опасно и нежелательно. Уже повзрослев, она поняла, что это не всегда правильно, но ничего поделать с собой не могла. Чтобы подойти и обнять дочь, женщине требовалось каждый раз перебарывать себя, просто потому, что она не привыкла к такого рода проявлениям нежности. Но ведь она могла сшить дочери платье, самое красивое платье, какого не будет ни у кого. Так она и поступала.

И вот девочка в огромном и шикарном платье из тысячи оборок гордо входила в здание детского сада. Все дети в группе были одеты как попало. Появление принцессы в розовых оборках просто не могло вызвать ничего, кроме взрыва смеха. Наташу обижало такое отношение, и она все с большим отвращением плелась в детский сад. Всеми правдами и неправдами она пыталась отлынивать от необходимости посещения садика, но все усилия были тщетны.

Когда девочке исполнилось пять лет, терпение Бригитты подошло к концу. Она поняла, что Людвиг Кох – прирожденный неудачник и изменить это уже невозможно. Ничего плохого в этом определении не было. Безвольный, веселый и любящий выпить Людвиг Кох, без сомнения, был хорошим человеком, но очень плохим главой семьи. Когда мужчина в очередной раз напился, Бригитта все-таки набралась смелости и выгнала его. Скандалы, которые случали все чаще, теперь перешли в статус активных боевых действий. Людвиг возвращался и вновь уходил жить к матери. Скандалы и ссоры случались чуть ли не каждый день. Бракоразводный процесс проходил в еще более напряженной обстановке. У Наташи больше не было рядом веселого и уютного отца, только вечно всем недовольная мама и необходимость ходить в чертов садик. В возрасте четырех лет Наташа впервые проснулась в мокрой постели. Она стала писаться каждую ночь, а вскоре неприятные инциденты стали случаться и днем, во время послеобеденного отдыха в садике.

– Выпей воды и иди в туалет, я схожу с тобой.

– Не пей столько, ты ведь описаешься!

– Не смей пить воду на ночь, опять испортишь постель.

– Просыпайся, тебе пора в туалет.

– О каком постельном белье с Барби может идти речь? Ты же все равно его описаешь?!

– Я купила прорезиненное белье для детей и стариков.

– Я передала воспитателям в саду клеенку для тебя.

– Сколько ты выпила воды? Не смей пить больше.

– Зачем ты столько ешь, ты и так толстая и страшная…

– Дети, Наташа Кампуш, снова испортила свою постель (взрыв смеха). У меня к вам важное поручение. Теперь вы должны следить за ней и за тем, чтобы она снова не обмочилась… (взрыв смеха)…

И так до бесконечности. Бригитта не могла сдержать раздражения, когда приходилось в очередной раз стирать описанные дочерью простыни, и совершенно не понимала, как бороться с возникшим вдруг у дочери энурезом. Сначала она попросту высмеивала дочь, затем купила специальные, унизительно-клеенчатые простыни, затем стала контролировать количество выпиваемой воды. Вскоре уже и воспитатели в саду Наташи смеялись и издевались над ее проблемой. Естественно, вслед за воспитателями так поступали и дети.

«В детском саду моя болезнь приняла новые формы – я стала мочиться уже и днем. Дети насмехались надо мной, а воспитательницы еще больше подзадоривали их, выставляя меня перед всей группой на посмешище. Они, видимо, полагали, что с помощью издевок могут лучше контролировать мой мочевой пузырь. Но с каждым новым унижением ситуация все больше ухудшалась. Каждый поход в туалет и стакан воды стали для меня пыткой. Меня заставляли, когда я не хотела, и запрещали, когда мне было необходимо. Так, в детсаду мы должны были спрашивать разрешения выйти в туалет. В моем случае каждая просьба сопровождалась комментарием: «Ты же только что там была. Почему тебе нужно опять?» И наоборот, перед прогулками, едой или тихим часом меня гнали в туалет и внимательно надзирали за этим. Как-то раз, заподозрив меня в том, что я снова обмочилась, воспитательницы заставили меня продемонстрировать детям мое белье»

(Наташа Кампуш)

Никчемное, ни на что не способное существо, сильно отстающее в развитии. Такой считала Наташу мать. Детское недержание мочи, равно как и подростковое, и даже энурез у взрослых могут служить свидетельством наличия проблем со здоровьем, психологических проблем, но никогда энурез не являлся свидетельством недостатка интеллекта.

Наташа обладала очень острым умом и поразительной способностью концентрироваться на одном деле. Со сверстниками она так и не могла найти общего языка, а учителя и воспитатели высмеивали ее. Все дальше и дальше девочка уходила в мир собственных иллюзий. Фильмы, сериалы, книги, лепка из пластилина, рисование и маниакальная любовь к Барби – Наташа любила все виды уединенных занятий. Она могла выглядеть полной дурой, когда приходилось отвечать по только что пройденному материалу в начальных классах, но стоило ей наедине с собой прочесть нужный урок, и она тут же все запоминала. Порой единственной доступной ей радостью становилась еда. Она обожала сладкое и могла коробками уплетать пирожные и печенье. К сожалению, конституция девочке досталась вовсе не от сухопарой Бригитты. Как и отец, Наташа была сильно предрасположена к полноте. Уже через год после официального развода родителей Наташа начала поправляться. В начальной школе этот процесс стал неконтролируем. Девочка полнела не по дням, а по часам, что давало всем дополнительный повод для упреков в несамостоятельности и ничтожности.

Однажды во время экскурсии в другой город Наташа случайно упала с качелей. Руку пронзила острая боль. Настолько сильная, что она попросту не могла встать или хотя бы выползти из-под перекладины качелей.

– Наташа Кампуш, чего ты разлеглась, встань немедленно, – раздался голос воспитательницы.

– Подойдите, пожалуйста, – как можно громче попросила девочка.

– Нужно будет, сама подойдешь, – махнула рукой женщина.

Наташа так и продолжала лежать на земле до тех пор, пока воспитательница из соседней группы случайно не поинтересовалась, не нужна ли девочке помощь. Женщина помогла Наташе встать. Боясь новой порции насмешек воспитательницы, Наташа больше ничего не сказала воспитательнице. Боль в руке не отступала. К ночи она стала совершенно невыносимой, но Наташа ни словом, ни жестом больше не просила о помощи. Хоть один плюс в этой чудовищной боли был. Наташа попросту не могла уснуть и хоть раз не испортила простыни.

Наутро воспитательница начала беспокоиться при виде болезненно зеленоватого цвета лица ребенка, но Наташа сквозь зубы сказала, что все в порядке, и поплелась на экскурсию. Лишь в середине дня та самая женщина из соседней группы решила отвести девочку к врачу. Оказалось, что у Наташи закрытый перелом руки. Девочку отправили в больницу, а затем в срочном порядке вызвали родителей.

Наташа надеялась на то, что хоть теперь-то все ее будут успокаивать, но вышло все наоборот. Все ворчали или даже орали из-за доставленных девочкой неудобств. Бригитта приехала за Наташей со своим новым бойфрендом. Всю дорогу до маленькой квартирки в районе Реннбанвег они не прекращали недовольно сетовать из-за того, что неуклюжесть толстой Наташи испортила им выходные.

Все было совсем не так ужасно, как казалось маленькой девочке. Ее все действительно любили, просто не всегда верно проявляли свои чувства. Ребенку свойственно доверять взрослым, и вскоре Наташа твердо знала, что она толстая, никчемная, неуклюжая и удивительно некрасивая. Сестры девочки вышли замуж и уехали из маленькой квартирки, вместо них здесь поселился новый возлюбленный мамы. Чужой человек. С мамой отношения у Наташи тоже складывались непростые. Большую часть времени мать Наташи попрекала девочку, говорила о том, что сделано не так… Бригитта твердо верила, что это должно моти-

вировать девочку, заставит ее быть лучше, но это, наоборот, убивало в ребенке все подобие самоуважения.

«В последний год перед моим похищением я так набрала в весе, что из помпушечки превратилась в настоящую толстуху. Дети меня дразнили еще больше, а я компенсировала одиночество все большим количеством еды. К моему десятому дню рождения я весила 45 кг. А успокаивающие слова матери расстраивали меня еще больше: ”Я все равно тебя люблю, не важно, как ты выглядишь”»

(Наташа Кампуш)

Впрочем, было занятие, которое неизменно объединяло всех членов их семьи: любовь наряжаться. Бригитта очень любила шить и придумывать новые фасоны платьев, к тому же у нее были три дочери, две из которых тоже уже выросли и превратились в молодых замужних женщин. Частенько к ним приходила сестра Бригитты и мать Людвига Коха. В этом женском царстве любовь к нарядам и фотосессиям была вполне естественной. Часто вечерами они, смеясь и подшучивая друг над другом, одевались в какие-нибудь безумные наряды и фотографировались. Наташе очень нравились такие вечера. Как и всем девочкам, ей хотелось выглядеть совсем взрослой, поэтому она обязательно надевала мамины вещи, делала макияж и уморительно смешно изображала Бригитту. Все смеялись, а тетя девочки без конца щелкала затвором фотоаппарата.

– Некрасивого ребенка стоит только красиво нарядить, и он преобразится, – любила повторять мама Наташи.

Спустя много лет эти смешные и глупые фотографии с пятилетней девочкой в маминых сапогах, с макияжем и прической, будут опубликованы во всех газетах Австрии и Германии, мать девочки начнут осуждать и даже проклинать и выступать с требованием о лишении родительских прав на дочь… которая пропала тысячу дней назад. Еще через пару месяцев журналистам надоест без конца публиковать поднадоевшие снимки, и появится новая газетная утка. Теперь уже Бригитту и ее нового мужа Ронни Хусека будут обвинять в содействии похищения Наташи Кампуш… Естественно, подобные обвинения не имели под собой не то чтобы доказательств, но даже и частицы здравого смысла. Затем станут обвинять и отца девочки Людвига Коха. Казалось, что журналисты готовы обвинить в случившемся кого угодно, но только не психопата. Психопат – это так скучно и банально…

«В коробке с семейными снимками находились фотографии Наташи, и я просматривал их во время разговора с ее матерью.

Увидев их, я поразился и спросил, что это такое, а она пришла в замешательство и отмахнулась, сказав, что это семейные снимки, сделанные Клаудией. До этого она пообещала мне дать какие-нибудь фотографии, и я попросил эти. Она отказала, и тогда я спросил ее: ”Так какие они, безобидные или же нет? Если невинные, тогда я могу их взять?”

Она согласилась, но я видел, что ей стало неловко»

(Из книги «История Наташи Кампуш»)

Впрочем, все это случится несколькими годами позже, а пока на дворе стояла середина 1990-х годов. Наташа Кампуш, как и положено в Австрии, в пять лет пошла в школу. Учеба ей давалась легко, сложности вызывали только устные ответы учителям. Тот момент, когда все взоры одноклассников были обращены на нее, она ненавидела. Только что услышанные слова учителя тут же вылетали из головы, и она в панике начинала лепетать нечто бессвязное. Бригитта продолжала развивать свой бизнес, поэтому после школы бабушка или сестры водили девочку в сад (в Австрии есть сады, в которые дети могут ходить до десяти лет. Это

развивающие центры, в которых дети могут поиграть, сделать уроки, посетить различные кружки и секции).

Отношения между Бригиттой и Людвигом после развода перешли в статус холодной войны и гонки вооружений. Полем боя, как это водится, стал общий ребенок. Людвиг старался как можно чаще видеть дочь, но Бригитта чинила ему все новые препятствия. По закону девочка должна была жить с матерью и не чаще, чем раз в неделю, видеть отца. После развода Людвиг, как мог, старался удержаться в обойме. Теперь его бизнес стал связан с довольно частыми поездками в Венгрию. Там он даже купил небольшой дом, а также познакомился с милой женщиной – Бригиттой Вебер. С ней у Людвига завязались такие отношения, какие обычно связывают двух взрослых и очень одиноких людей.

Довольно часто Наташа стала вместе с отцом ездить в Венгрию. Иногда это были рабочие поездки, но чаще простые выходные в уютном доме Коха на границе с Австрией. Наташа обожала эти поездки и все, что было с ними связано. Ей нравился мерный шум автомобильного двигателя и полотно дороги перед глазами, веселый и добрый голос отца, уютный дом с красивой лужайкой. Девочке очень нравилось ухаживать за цветами в саду отца. Бригитта Вебер старалась развлечь девочку и частенько ходила с ней в местные купальни, парки или просто водила девочку по магазинам. Здесь жило и семейство Барчей. Ханнес Барч, друг Людвига, стал первой детской любовью девочки. Двадцатилетний Ханнес был довольно успешным клубным промоутером и устраивал концерты рок-звезд по всей стране. Естественно, он модно выглядел и был знаком со всеми кумирами девочки, это не могло не восхищать ребенка. Ханнес был женат и смеялся над детским восхищением девочки. Когда тобой восхищаются, хочется восхищать. Даже если это соседский ребенок. Ханнес пару раз устраивал девочке походы на концерт и даже знакомил со звездами местного масштаба.

«Для своего возраста она была необыкновенной девочкой. Обычно такие дети меня раздражали, но Наташа была воспитанной, с ней было интересно поговорить. Мы объезжали на велосипедах всю округу. Часто останавливались у футбольной площадки – я был без ума от футбола и постоянно хотел погонять мяч, и она всегда присоединялась ко мне, хотя я и не знаю, нравился ли ей футбол. Но именно такой она и была, всегда хотела во всем поучаствовать.

Мы никогда не брали с собой провизию, перекусить ездили домой, как правило, ко мне, где всегда была моя мама, которую Наташа очень полюбила. Ее же маму в Венгрии я не встречал. Здесь она появлялась с папой. Я знаю, что он был отличным поваром, это точно, особенно касательно хлебобулочных изделий, но мне кажется, что на выходных он предпочитал отдохнуть и держался от всего этого подальше. Было заметно, что он очень любит Наташу, у них сложились великолепные отношения, и он по-настоящему был внимателен к ней и заботился о ней. Когда мы устраивали барбекю, собиралось иногда пять человек, иногда пятнадцать.

Когда Наташа не играла, она обнималась с папой. Думаю, он принимал самое деятельное участие в ее поисках. Он так и не сдался. Все остальные, я уверен, считали, что она никогда не найдется, я сам думал, что больше ее не увижу. А ее папа ни на секунду не сомневался, что однажды найдет свою Наташу»

(Мартин Барч)

Поводов для того, чтобы любить эти наполненные таким количеством удивительных для ребенка событий поездки было предостаточно. Однако мать Наташи относилась к таким поездкам очень неодобрительно и каждый раз обещала, что следующая поездка будет последней. А ведь именно эти короткие путешествия и составляли главную радость жизни

девочки. Такие короткие путешествия были настоящим праздником посреди весьма унылых будней девочки.

Каждый день начинался с очередной ссоры с матерью. Девочка отчаянно не хотела идти в школу. В ход шли все возможные уловки: она сказывалась больной, устраивала истерики, умоляла и плакала… Бригитта была непреклонна. Ребенок должен ходить в школу, что тут поделаешь. Каждый день она подвозила девочку к зданию школы, и все видели то, как мама на прощанье целует девочку в щеку. Этот ритуал сохранялся еще с тех времен, когда Наташа только-только научилась ходить. Когда Бригитта отправляла дочку на прогулку с отцом, она обязательно целовала девочку в щеку и желала удачи. По большому счету, это было единственным проявлением любви и нежности, которое она себе позволяла. Наташе сейчас этот ритуал стал казаться неестественным и унизительным. Она отчаянно боролась за право, как и остальные одноклассники, ходить в школу самостоятельно, но ведь остальные дети не писались в постель, а Наташа – маленькая и несамостоятельная. Бригитта день за днем не уставала об этом напоминать. В школе Наташа так и не смогла подружиться с кем-нибудь. Учеба ей давалась легко, а вот все остальное… Занятия превращались в настоящий ад, по окончании которого следовала новая пытка: нужно было идти в сад, где предполагалось, что она будет делать уроки и играть со сверстниками. Лишь по вечерам Наташа была предоставлена сама себе. Это время она проводила перед телевизором или за чтением книг. Часто она шла к соседке, которой приплачивали за то, чтобы она сидела с девочкой, когда матери нет дома. С этой пожилой женщиной девочка легко ладила. Они вместе смотрели любимые детективные сериалы, разговаривали и смеялись. Эта женщина никогда и ни в чем не упрекала ее, никогда не заставляла делать что-то, чего не хочется. С ней Наташе было на удивление легко. С большинством же людей Наташа не могла найти общего языка. Казалось, что ей не интересны люди. Она предпочитала оставаться в стороне от событий, любила слушать разговоры взрослых и частенько выдавала совсем не детские сентенции. От этого она казалась значительно старше своих лет. Большинство окружающих считало ее очень умной, не по годам начитанной девочкой. К тому же девочка никогда не бегала и не устраивала шалостей с другими детьми, из-за врожденной неуклюжести, о которой все время напоминала мама, девочка старалась двигаться как можно медленнее и аккуратнее, правда, чем осторожнее она себя вела, тем быстрее с ней что-нибудь случалось. И все-таки ей удалось убедить мать в том, что она в состоянии сама добираться до школы. Долгие споры и разговоры наконец возымели эффект, и Бригитта уступила. Отныне девочке разрешалось самостоятельно проходить пару кварталов до школы.

В последних числах февраля 1998 года Людвиг Кох собирался на пару дней съездить в свой дом в Венгрии. После долгих переговоров Бригитта все же согласилась отпустить с ним дочь, правда, с одним условием. Они должны были вернуться не позднее семи вечера воскресенья, чтобы Наташа могла спокойно подготовиться к школе.

– Если ты снова опоздаешь, то клянусь, ты больше не увидишь дочь, – категорично заявила она.

«Ей очень нравилось заниматься творчеством – рисовать, и, насколько я помню, она также любила лепить из пластилина. Она была очень подвижной девочкой, постоянно бегала повсюду и обожала играть на улице в саду.

Думаю, она проводила много времени со взрослыми, с соседями и друзьями родителей и поэтому могла разговаривать как взрослая. По-моему, она развилась довольно рано из-за того, что ее родители не жили вместе, и потому, что она часто общалась со взрослыми.

Я очень хорошо помню тот последний день, это была пятница. Она вела себя очень активно, даже более обычного. Ее забирал отец, поскольку они ехали на выходные в Венгрию, и она была слегка расстроена его опозданием. Она не сердилась на него, ничего подоб-

ного, ей просто не терпелось его увидеть. Ее папа часто задерживался из-за того, что у него было много работы. А Наташа всегда с нетерпением ожидала поездок в Венгрию»

(Детский сад «Альт Вин» на Леопольдауэрплац, 77,
в 21-м районе Вены, куда Наташа ходила после школы)

Поездка в Венгрию, как и всегда, воодушевила девочку. В этот раз Людвигу не нужно было заниматься рабочими вопросами, и всю субботу они проторчали в местной пивной. На следующий день Бригитта Вебер, новая возлюбленная отца, предложила сходить в общественный бассейн. Наташа обожала такие походы и с радостью согласилась. Вплоть до четырех вечера они проторчали в бассейне. Плавали, веселились и шутили. Все было, как и всегда.

«Когда я бесцельно шаталась по залам бассейна, меня остановила одна знакомая: ”Пойдем со мной, выпьем вместе лимонада” Я кивнула и охотно последовала за ней в кафе. Она была актрисой и жила в Вене. Я восторгалась ею – такое спокойствие и надежность она излучала, и, кроме того, имела именно ту профессию, о которой я тайно мечтала. Через некоторое время я набралась мужества и выпалила: «Знаешь, я бы тоже хотела стать актрисой. Как ты думаешь, у меня получится?» Она лучезарно улыбнулась мне: ”Конечно, у тебя получится, Наташа! Ты будешь замечательной актрисой, если ты этого действительно хочешь!»

Мое сердце бешено заколотилось. Я не думала, что мои слова будут приняты всерьез, абсолютно уверенная, что меня поднимут на смех, как это уже не раз случалось. ”Когда придет время, я тебе охотно помогу“, – пообещала она мне и обняла за плечи.

На обратном пути к бассейну я весело скакала и напевала про себя: «Я могу все! Надо только очень хотеть и твердо верить в свои силы». Мной овладело почти забытое чувство легкости и беззаботности»

(Наташа Кампуш)

Уже ближе к вечеру Наташа начала переживать, что они не успеют вернуться к обозначенному времени, но, несмотря на все уговоры дочери, вместо того чтобы немедленно выехать в Вену, они завернули в любимое кафе Людвига. Если они опоздают, то больше не увидятся. Уж она-то знала, что с мамой шутки плохи. Однако Людвиг угрозу жены всерьез не воспринял. Несколько часов они провели в кафе и лишь затем поехали в Вену. Наташа так нервничала, что с трудом могла усидеть на месте, а Людвиг, казалось, даже не торопился. Как он не понимал, что если они опоздают, то больше ее не отпустят с ним в Венгрию? Девочка этого никак не могла понять.

Естественно, они опоздали. Чтобы избежать новой стычки с бывшей женой, Людвиг высадил дочь на углу дома и пожелал ей удачи. Наташа еле сдерживала слезы ужаса, когда открывала входную дверь. Ей повезло. Дома никого не оказалось. Записка на холодильнике гласила о том, что Бригитта будет поздно, так как ушла в кино. Наташа, как и полагалось в таких случаях, отправилась к соседке, с которой они весь вечер смотрели детективные сериалы.

«Госпожа Сирни постоянно жаловалась на Наташу, она всегда говорила о ней так, словно девочка была трудным ребенком, что было совсем не так. Но Наташа никогда не отзывалась плохо о своей мамочке, хотя мы и знали, что ей было тяжело с ней.

Наташа пришла ко мне и сказала, что ее мамы нет дома, и мы попробовали позвонить ей на мобильник, но он был отключен. Тогда я сказала ей, чтобы она оставила госпоже Сирни записку, что она у меня. У Наташи было хорошее настроение, она рассказала, как

здорово провела выходные в Венгрии, и обо всем, что они там делали с ее отцом, господином Кохом. Мы мило поболтали, так, о том о сем: она была такой умной девочкой, с ней приятно было разговаривать.

Затем настало время ужина, но ее трудно было уговорить что-нибудь съесть, потому что она уже обедала несколько часов назад. После мы смотрели по телевизору «Его зовут Коломбо», ей нравился этот сериал. С ней было весело смотреть фильм, по ходу она отпускала шуточки, почти как взрослая.

А потом пришла ее мать, где-то около 9.45 вечера, и начала кричать на нее прямо с порога, даже не сказав нам «привет». Она выговаривала ей, что она поступила неправильно, придя ко мне, и что она должна была оставаться дома одна.

После она, наконец, села, и мы вдвоем, госпожа Сирни и я, выпили по рюмочке «Бейлис». Но она продолжала кричать на свою дочь, оскорблять ее и тому подобное. Мне было очень неловко, и я попросила ее успокоиться.

Госпожа Сирни велела дочери идти наверх в их квартиру, поменять простыни и ложиться спать. Наташа писалась по ночам, а ее мать всем об этом рассказывала. Она попрекала ее за это в моем присутствии, и я видела, что девочке было очень стыдно.

Когда Наташа ушла домой, госпожа Сирни осталась, она выпила еще и начала говорить, что с каждой поездкой в Венгрию Наташа все больше и больше наглеет. Но это было неправдой, она совсем не была наглой, и ей так нравились эти поездки в Венгрию, она всегда возвращалась оттуда счастливой и уверенной.

Все равно было досадно, что вечер закончился так плохо. Наташа была очень радостной, и она рассказала мне, что ее мама убралась в детской: она считала, что госпожа Сирни наконец-то поставит ей письменный стол, по-видимому, он был очень важен для нее»

(Аннелиз Глезер, соседка,
с которой обычно оставляли Наташу)

Вернулась женщина за полночь и тут же стала допытываться у Наташи, во сколько ее привез отец. В итоге девочка все же созналась, что они приехали значительно позже установленного времени, да еще к тому же Людвиг посмел остановиться на углу, заставив тем самым Наташу пройти ночью по темным переулкам этого ужасного промышленного района города. Скандал утих лишь под утро. Напоследок Бригитта пообещала, что Наташа больше никогда не увидит своего пьяницу-отца. Девочка уснула со смертельной обидой на мать.

– Ты не имеешь права запрещать мне видеться с отцом!

– Исполнится восемнадцать, вот и будешь решать, а до тех пор я за тебя отвечаю, и я знаю, как для тебя лучше, – категорично заявила мать.

Будильник прозвенел слишком быстро, а ей так хотелось поспать еще. Спустя пару минут в дверь вошла мама девочки и начала ее тормошить. Наташе категорически не хотелось вставать с постели. Бригитта опаздывала на важную встречу, а Наташа, казалось, намеренно собирается чересчур медленно. Впрочем, так оно и было.

– Вот исполнится восемнадцать, будешь делать, что хочешь, а пока ты обязана ходить в школу! – прикрикнула Бригитта на все еще сонную девочку.

Наташа была так расстроена после вчерашнего скандала, лишившего ее права общаться с отцом, что даже спорить не стала. В качестве маленькой мести она направилась к входной двери, не позволив матери поцеловать себя на прощанье.

– Никогда не уходи из дома, не помирившись. Мало ли, что может случиться, – сказала Бригитта на прощанье, догнав дочь у двери. Наташа хмуро кивнула и захлопнула за собой дверь.

Уже на улице слова матери зазвучали для нее по-другому. Захотелось вдруг вернуться и помириться с мамой, но воспоминания вчерашнего скандала были все еще свежи. Вновь разозлившись, девочка гордо зашагала вперед. «Когда тебе будет восемнадцать, у тебя будет право решать, а до тех пор ты ребенок и ни на что права не имеешь». Эту фразу мама Наташи повторяла с завидной регулярностью, особенно часто она звучала, когда речь шла о ее отношениях с отцом. «Когда тебе будет восемнадцать…». Осталось еще восемь лет, и этот своеобразный ипотечный кредит закончится, она будет вправе самостоятельно распоряжаться своей жизнью. «Когда тебе будет восемнадцать…» – эту фразу Наташа ненавидела, но в конечном счете именно она спасла ей жизнь.

Это был третий день, когда она шла на уроки самостоятельно. Конечно, Наташа бы никогда тогда никому не призналась, но ей было до ужаса страшно на улице. Казалось, что взгляды всех прохожих прикованы к ней. Все ждут, когда она совершит ошибку, упадет, сделает что-то не так. Особенно страшно было переходить дорогу. В новостных выпусках каждый день рассказывали о том, как кого-то сбила машина, а ведь она такая неуклюжая…

Раз за разом она прокручивала в голове сцены вчерашнего скандала. Все это из-за глупого опоздания, в котором Наташа уж точно не была виновата. Осталось еще восемь лет детства. Только через восемь лет она получит право самостоятельно распоряжаться своей жизнью, а до тех пор нужно будет терпеть. И даже последнюю радость, краткие поездки в Венгрию, у нее отобрали. Оставалась только ненавистная школа, в которой над ней издевались дети и подшучивали учителя, продленка в саду, на которой воспитатели ежедневно унижали девочку, и вечно всем недовольная мама, которая ни разу не похвалила ее. Даже когда Наташа все делала правильно, мама находила, к чему можно придраться. Бригитта искренне считала, что так она воспитывает в девочке тягу к совершенству, ведь всегда можно сделать лучше. «Некрасивого ребенка стоит только красиво нарядить…» – еще одна любимая фраза Бригитты. Обиднее всего, что даже через восемь лет она будет все такой же неуклюжей, некрасивой и никому не нужной…

Поток подобных мыслей прервал гул проносящихся мимо перехода машин. Вдруг Наташа почувствовала острое желание исчезнуть. Не умереть, тогда ведь все расстроятся, а исчезнуть. Просто перестать сосуществовать. Раствориться в воздухе так, будто ее никогда не существовало. Ведь всегда можно попросту броситься под машину, так все, по крайней мере, закончится… Яркий образ плачущей матери на шоссе охладил пыл девочки. Она не хотела никого расстраивать, просто и жить дальше тоже не хотелось.

На другой стороне дороги стоял как-то уж очень криво припаркованный белый микроавтобус. Рядом с ним маячил растерянного вида молодой мужчина в светлой рубашке-поло. Такие носят только самые добропорядочные граждане. Он явно сильно нервничал и переминался с ноги на ногу. Чтобы пройти, Наташе нужно было приблизиться к нему вплотную. Этого она очень не любила. Каждый раз, когда незнакомый человек в транспорте или просто на улице оказывался слишком близко к ней, у девочки будто перехватывало дыхание.

Бросив взгляд на мужчину, она поняла, что он испытывает похожие чувства. Он казался таким напуганным и растерянным, что страх отступил.

«Я замедлила шаги и внутренне оцепенела. Мой вечный страх, с которым я никак не могла совладать, моментально вернулся, руки покрылись гусиной кожей. Первый импульс был – перейти на другую сторону улицы. В моей голове быстрой чередой промелькнули картины и отрывки фраз: «не разговаривай с незнакомыми мужчинами…», «не садись в чужую машину…» Похищения, изнасилования, множество историй, рассказывающих о пропавших девочках, все то, что я видела по телевизору. Но если я действительно хочу стать взрослой, я не должна поддаваться этому чувству. Я должна собраться с духом и идти дальше. Ну что же может случиться? Школьный путь был моим испытанием, и я его выдержу.

Когда я подошла к мужчине на расстояние около двух метров, он посмотрел прямо на меня. Страх испарился: эти голубые глаза и длинные волосы могли принадлежать студенту из старого фильма 70-х годов. Его взгляд был каким-то отстраненным. «Это несчастный человек», – подумала я. От него веяло такой беззащитностью, что во мне возникло спонтанное желание предложить ему помощь. Это звучит наивно, как детская убежденность в том, что все люди – добрые. Но когда этим утром он первый раз поднял на меня глаза, то показался потерянным и очень ранимым»

(Наташа Кампуш)

4

Подготовка к похищению Наташи Кампуш началась задолго до того рокового дня в начале марта 1998-го. Иногда мы даже не замечаем, как один-единственный жест или взгляд начинает менять нашу жизнь. Этот взгляд Наташа Кампуш бросила на странного посетителя за столиком в углу кафе, когда судорожно заталкивала в рот пирожное, опасаясь гнева мамы. Эту девочку странный посетитель несколько раз видел в компании слишком толстого неудачника по имени Людвиг Кох. Тот частенько приходил вместе с дочерью. Пару раз он становился свидетелем того, как этот грузный мужчина встречался с сухопарой женщиной, по-видимому, матерью девочки. Кафе «У Кристины» служило для родителей этой девочки нейтральной территорией для проведения переговоров, здесь же происходила передача Наташи с рук на руки. Вечером в субботу ее отдавали на попечение Людвига Коха, а привезти ее домой он должен был вечером воскресенья. Эти встречи неизменно заканчивались ссорами и бурными выяснениями отношений. Оставалось только удивляться тому, как люди, когда-то любящие, могут так остро возненавидеть друг друга. Наташа в такие моменты с видом полного отчуждения читала книгу в углу дивана. Пару раз он видел то, как Наташу сюда приводили Бригитта со своим бойфрендом Ронни Хусеком. Ронни с Вольфгангом был шапочно знаком и всегда при встрече кивал ему в знак приветствия.

– …О каком постельном белье с Барби может идти речь? Ты смеешься? Ты же все равно описаешь его, – донесся до Вольфганга голос Бригитты Сирни, отчитывающей маленькую чуть полноватую девочку. Резкие и обидные слова женщины, от которых девочка буквально оцепенела от ужаса, слышали все. Он спасет эту девочку. Будет о ней заботиться и обязательно подарит постельное белье с Барби…

На следующий день Вольфганг поехал в строительный магазин и купил все необходимое для переустройства старого бомбоубежища. Ему предстояла долгая и кропотливая работа, к которой, впрочем, Вольфганг был готов. Он обожал свой бункер, облюбованный им с детства, обожал технику и вполне сносно владел азами строительного дела. Он мог ночи напролет чертить различные схемы и прорабатывать план весьма сложной системы вентиляции. Ему предстояло полностью перестроить и укрепить подвал, провести вентиляцию, которая сделает это помещение жилым, провести туда трубы, оборудовать хотя бы небольшой туалет и раковину… Уже много лет спустя Эрнст Хольцапфель, его деловой партнер, рассказывал, что заметил некоторые перемены в жизни друга. Теперь Вольфганг все время спешил домой, стал еще более задумчивым и отстраненным, часто стал жертвовать работой в пользу личного времени… Приятель списывал все на перемены в личной жизни. Друг у него появился или подруга, Хольцапфеля не интересовало. Человек не должен быть один, от этого и с ума можно сойти, так что хорошо, что у него появился хоть кто-то, кроме пары облезлых кошек, вольготно вышагивающих по огромному дому в Штрасхофе.

Приклопиль и Хольцапфель никогда не были близкими друзьями, только приятельствовали. Хотя Эрнст подозревал, что он единственный, кого Вольфганг мог бы назвать своим другом. Сам Хольцапфель старался не распространяться с Вольфгангом о себе. Прият-

ный, красивый, чертовски вежливый и воспитанный, Вольфганг умел производить хорошее первое впечатление, но проходило время, и люди замечали, что им неприятно и тяжело с ним общаться. Эрнст заметил это за собой и вскоре убедился в том, что и у других людей Вольфганг тоже вызывает смутное отторжение. Оказываясь слишком близко, люди неизменно старались сделать шаг назад, отойти от Приклопиля. Отношение других людей к человеку – всегда зеркало того, как сам человек относится к людям. Банально, но факт. Вольфганг никогда не имел друзей и тем более девушки. Он научился поддерживать беседу, вести ничего не значащие разговоры о погоде и поддерживать приятельские, добрососедские отношения. У него даже стало неплохо получаться. Но только не дружба или любовь. Ничего личного. Признавался он в том себе или нет, но Вольфганг Приклопиль боялся людей, он испытывал неловкость и начинал заметно нервничать каждый раз, когда разговоры переходили в личную, доверительную плоскость. Он легко мог провести ночь с проституткой или немного пьяной и веселой девушкой, но никогда не мог пережить испытания первым свиданием. Раз все-таки кто-то переборол этот его страх, можно только порадоваться за человека. Захочет как-нибудь рассказать – хорошо, ну а если нет, так и выпытывать не стоит, какой в этом смысл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.